

Алексей АТЕЕВ

ДНО РАЗУМА

*Это совсем не то,
что вам кажется...*

Алексей Атеев

Дно разума

«ЭКСМО»

2010

Атеев А. Г.

Дно разума / А. Г. Атеев — «Эксмо», 2010

Темны и таинственны недра человеческого сознания... Какие только черные желания не бушуют там, какие низменные страсти не кипят! Иногда, прорываясь на поверхность, они заставляют человека совершать дикие поступки. Правда, происходит это нечасто – людей сдерживают рассудок, нравственные устои, воспитание, обстоятельства и многое другое. Но если вмешивается магический талисман – старинная монета с полустертой латинской надписью, – жизнь может обернуться кошмаром. Эту монету на свою беду нашла на кладбище маленькая девочка, а затем талисман попал в руки вора. И черная сила начала набирать обороты...

© Атеев А. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	33
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей АТЕЕВ

Дно разума

1

Эта история произошла в те далекие времена, когда «медведя-воеводу» всего пару лет как сменил на троне бровастый красавец с ласковым взором. В те заповедные годы телевидение было черно-белым и транслировало лишь два канала, космонавты считались национальными героями, народ переселяли из бараков в панельные «малолитражки», а разливное пиво качали из огромных дубовых бочек. Водка стоила два восемьдесят семь, бутылка крепленого – чуть больше рубля, а стакан сухого вина, наливаемого автоматом на ялтинской набережной, – двадцать копеек. На загнивающем Западе гремела «ливерпульская четверка», а на отечественной сцене Эдита Пьеха распевала «Только ты». В ту эпоху граждан, спекулировавших золотом и валютой, расстреливали, образование и здравоохранение были бесплатны, а на экраны кино-театров страны вышел замечательный фильм «Кавказская пленница».

Страна твердой поступью шагала в коммунизм, который, как указывалось в докладе предыдущего вождя на партийном съезде, должен быть построен к 1980 году. Словом, жить становилось все лучше и веселее. Впереди маячило исключительно светлое будущее, не замутненное ни единым темным пятнышком. Все было просто и ясно, все объясняемо с точки зрения рационалистического разума и научных фактов. Так, во всяком случае, казалось. Однако случались иной раз события, объяснить которые этот самый разум, казалось, был не в силах. Именно о них и пойдет речь в нашем рассказе.

Соцгород, где и происходило его действие, – город особый, можно даже сказать, показательный. Возник он в тридцатых годах у подножия горы, целиком состоявшей из руды, годной для выплавки металла. Гора так и называлась Железной. Возле горы было решено построить металлургический гигант, равного которому не имелось в мире. Строительство завода продвигалось невиданными темпами, и вскоре задымили домы, загудели мартены, а прокатные цеха выдали первые тонны готовой продукции.

Строили индустриальное чудо, а потом и работали на нем люди, собранные в это место со всей страны. Некоторая их часть приехала сюда добровольно, но большинство попало в Соцгород отнюдь не по собственному желанию. Площадку, где возводился промышленный гигант, окружали спецпоселки, в которых содержались его строители, вчерашние крестьяне из Поволжья и Центральной России, раскулаченные в ходе коллективизации. Их привозили сюда целыми семьями в телячьих вагонах, узенькие окошки которых были забраны железными решетками, выгружали на станции и под конвоем загоняли в дощатые, кое-как сколоченные, продуваемые свирепыми ветрами бараки. Имелись в Соцгороде и обычные лагеря, в которых содержались преступники, как уголовные, так и политические. Нужно отметить, что и те, кто приехал добровольно, явились на великую стройку тоже не от хорошей жизни. В большинстве это были опять же крестьяне, бежавшие сюда, спасаясь от раскулачивания. Встречались на строительстве и те, кто приехал за «длинным рублем», но такие обычно долго не задерживались, поскольку невероятно тяжелые условия труда и неустроенный быт очень скоро гасили жажду наживы. Было в Соцгороде и довольно много тех, кто по тем или иным причинам был вынужден избегать контактов с советской властью. Среди них попадались самые разные личности: растратчики, бывшие нэпманы, не уплатившие налогов, люди, воевавшие против красных, и прочая контра.

Соцгород был задуман как рабочий поселок при заводе, однако безудержная пропаганда восхваляла его как символ социализма, как светоч нового справедливого общества без рабов и господ.

«Через четыре года здесь будет город-сад», – предрекал пролетарский поэт. И хотя настоящего города-сада не получилось, тем не менее Соцгород рос как на дрожжах. Количество бараков и щитовых домов пока что не уменьшалось, однако появились вполне комфортные дома, составившие две-три улицы европейского вида, с фонтанами и скверами; выросли капитальные административно-хозяйственные здания, был возведен центр с Дворцом культуры, цирком и городским парком. В глухой, продуваемой всеми ветрами степи пламенел, как чертополох посреди пустыря, грандиозный промышленный центр.

К началу шестидесятых годов прошлого века, в какую пору происходит действие этой книги, Соцгород превратился в очаг цивилизации с драматическим театром, музыкальным училищем и несколькими кинотеатрами. Река, вернее, заводской пруд разделял его не только на две части, но и на два континента. Левый берег находился в Азии, а правый, где велось непрерывное строительство жилых домов, – в Европе. Такова краткая характеристика этого ничем особым не примечательного города, если не считать действительно громадного завода, над которым постоянно витали облака разноцветного дыма. А теперь приступим к непосредственному изложению тех удивительных событий, что развернулись на фоне индустриального пейзажа.

Улица Красных Галстуков расположена в левобережной части города, в том самом районе, где появились первые капитальные дома. В начале шестидесятых район этот уже пребывал в некотором запустении. Фасады домов местами облупились, фонтаны не работали, а в некогда ухоженных скверах буйно разрослась зелень. Однако жизнь здесь по-прежнему была ключом. Била она и в доме № 2, в котором проживала Евдокия Копытина, в девичестве Хохрякова, о ком и пойдет речь.

Евдокия, или, как ее величали соседки, Дуся, занимала однокомнатную квартиру на втором этаже. Была она вдовой, муж ее погиб на войне, но, несмотря на пенсионный возраст, была женщиной еще крепкой, деятельной и острой на словцо. Внешностью Дуся обладала самой традиционной. Она была коренаста, чуток кривонога, а карие глаза смотрели на мир несколько исподлобья, но в основном дружелюбно. Поскольку работать ей не нужно, Дуся если не носилась по магазинам в поисках дефицита, то день-деньской сидела на лавочке возле подъезда с такими же, как и она, товарками, обсуждала проходящих и лузгала семечки. Еще у Дуси имелась внучка лет двенадцати, проживавшая на Правом берегу и частенько навещавшая бабушку. Девочку звали Наташей.

Накануне Дуся условилась с Наташей сходить на кладбище в Родительский день и по древней традиции помянуть покоившихся на нем родственников. Загодя Дуся напекла ватрушек с творогом и повидлом, а также пирожков с ливером, картошкой, с рисом и яйцами и купила конфет-подушечек. Всю эту снедь она готовилась раздать страждущим в качестве номинальных гостинцев. Лично для себя она приготовила чекушку водки, сто граммов копченой колбасы, пару вареных яиц, а для внучки немного шоколадных конфет «Ласточка».

Рано утром Наташа явилась к бабушке, и они отправились «на могилки», как выразилась Дуся. Стояло начало мая. День обещал быть пасмурным. Вначале моросил мелкий холодный дождик, но, когда бабушка с внучкой вышли из дома, он уже прекратился, оставив после себя на асфальте быстро подсыхающие лужи. Несмотря на будний день, на улице было заметно оживление. Сотни людей стремились на погост с той же целью, что и наша парочка. У всех в руках имелись клеенчатые сумки либо сетки, в которых булькала некая жидкость, пока что запечатанная в бутылки, и шел аппетитный дух домашней снеди. Некоторые несли в руках букеты разноцветных бумажных цветов. Цветы были настолько ярко окрашены, что от их вида начинало ломить зубы.

Дуся и Наташа сели в трамвай, доехали до конечной остановки, вышли и влились в людской поток, спешивший на кладбище. По дороге они купили у какой-то старушки несколько бумажных роз, вручив ей вместе с деньгами и пару ватрушек.

Наконец достигли пределов кладбища. Здесь было никак не меньше народу, чем на первомайской демонстрации. Люди сновали меж могил, громко разговаривали, а некоторые даже смеялись. Вместе с тем имелись примеры и другого рода. Внутри оград возле скромных памятников застыли в глубокой скорби безутешные родственники тех, кто лежал в земле, а иные и рыдали в голос. С любопытством таращась по сторонам, Дуся и Наташа брели по главной аллее к своим близким. По пути они полюбовались большим, из черного мрамора, обелиском директору металлургического завода Носкову. На фоне весьма скромных железных пирамидок и деревянных крестов мраморный памятник производил весьма сильное впечатление. К тому же прилегающая к могиле начальника обнесенная оградой площадь была столь велика, что на ней можно было бы разместить небольшое футбольное поле. Все это не могло не впечатлять, однако в душе Евдокии Копытиной не нашлось места зависти. Она лишь сказала Наташе, кивнув на обелиск: «Хороший человек был Иван Григорьевич. Царствие ему небесное!» – и побрела дальше.

Наконец цель была достигнута. Они очутились перед двумя выкрашенными голубой краской восьмиконечными крестами, на которых значилось: «Василий Харитонович Хохряков, 1884–1958» и «Татьяна Петровна Хохрякова, 1888–1962».

– Здравствуйте, папа и мама, – нараспев произнесла Дуся, перекрестилась и истово поклонилась крестам.

– Почему у них фамилии другие, не как у тебя? – спросила девочка.

– Потому что я замужем была и ношу фамилию мужа.

– От чего они умерли? – немедленно поинтересовалась Наташа.

– От болезней, – неопределенно отозвалась Дуся.

– От каких болезней?

– От разных. Надорвались, болели, а потом отдали богу душу. Теперь они в раю, смотрят на нас оттуда... – Дуся уперла палец в небо.

– И сейчас смотрят? – полюбопытствовала Наташа.

– Именно, – подтвердила Дуся. – Видят: мы пришли их навестить, и радуются, что не забыли.

Могилки в общем были ухожены, но после зимы среди свежей травы торчали сухие стебли степных будяков. Дуся поспешно выдернула бурьян, выбросила его за оградку и только после этого достала припасы. Она разложила на стоявшем здесь же дощатом столике колбасу, яйца, конфеты, извлекла чекушку и маленький граненый стаканчик, наполнила его, вручила девочке «Ласточку» и, тихо проговорив: «Ну, помянем рабов Божьих...», залпом проглотила водку. Лицо ее тут же покраснело и залоснилось, глаза заблестели. Дуся уткнула голову в ладони и, казалось, глубоко задумалась.

– Скажи, баба, – вновь спросила Наташа, – это мои прабабушка и прадедушка тут похоронены?

– Тут, внученька, – отозвалась Дуся.

– А дедушка где? Ведь он тоже умер.

– Я тебе сто раз говорила. На фронте погиб. Где-то под Москвой... А где точно, не знаю. А так бы съездила на могилку к моему Пашеньке...

– А он тоже в раю?

– Ну ясное дело.

– И смотрит сейчас на нас?

– Можешь не сомневаться. Давай-ка за упокой его души выпьем. То есть я выпью, а ты конфетку съешь.

– А вот, баба, объясни мне: те, которых сегодня поминают, они все в раю?

– Ну... не все.

– А другие, те, что не на небе... Они где?

– В аду, думается.

– Это под землей?

– Само собой.

– Но ведь и их сегодня поминают? Как же так? Если они плохие, чего же их вспоминать?

– Для того и вспоминать, чтобы им на том свете легче было.

Девочка замолчала, видимо обдумывая услышанное. Дуся тем временем выпила еще один стаканчик, облупила яйцо и стала смачно жевать его, потом принялась за колбасу и заедала все это добро пирожком с ливером.

– А скажи, баба, вон те холмики, – девочка показала рукой куда-то вперед, – они тут зачем?

– Какие холмики? Ах, эти. Тоже могилки, видать.

– Чьи могилки?

– А бог их знает.

– Тех, что в аду?

– Может, и так. А может, каких невинно загубленных...

– Что значит: невинно загубленных?

– Ну... Как тебе объяснить... Вот, скажем, в войну к нам в город понагнали узбеков из Средней Азии... В Трудармию, значит. Они, узбеки эти, мерли как мухи. Мороз страшный, а они в одних халатах... Какой от них был прок, до сих пор не пойму. Бродили по улицам как тени. Тут же и падали. Ногой толкнешь, а он – как бревно. Замерз бедолага. Вот их собирали и закапывали... Даже таблички на могилках не ставили... А то, может, это те, кто еще до войны в здешней тюрьме сгинул.

– Сгинул – это как?

– Ну, расстреляли. Или сам помер. Мало ли...

– Они тоже в аду?

– Зачем в аду? На небесах, надо думать.

– И на нас тоже смотрят?

– Может, и смотрят, а может, и не смотрят, а только думают.

– О чем?

– О том, кто за них отомстит.

Через некоторое время Дуся допила водку, поднялась и стала укреплять бумажные цветы меж перекладин крестов. Ее заметно развезло, она еле слышно хихикала и одновременно жевала пирожок. Наташа тем временем вышла из ограды и подошла к безымянным могильным холмикам. Было их штук десять или двенадцать. Поросшие только что вылезшей изумрудной травой, они возвышались над землей, словно верхушки человеческих голов, покрытых редким волосяным покровом. Девочка бродила между холмиками, глядя под ноги, словно рассчитывая обнаружить нечто интересное, но ничего особенного не замечалось, лишь кусочки бутылочного стекла да ржавая консервная банка попадались на глаза. И вдруг острые глаза Наташи заметили: впереди между холмиков что-то блеснуло. Она нагнулась. Монета! Судя по торчащему из земли торцу, довольно крупная. Неужели рубль?! Наташа поспешно нагнулась, вытащила монету из земли и покосилась на бабушку: не видит ли та. Но Дуся не смотрела по сторонам. Она до сих пор не могла приладить к крестам бумажные цветы и сердилась, что выразалось в неразборчивых ругательствах, которые она бормотала себе под нос. Девочка повернулась к бабушке спиной и разжала ладошку. Монета действительно была довольно крупной, но несколько не походила на рубль. На одной ее стороне присутствовала пятиконечная звезда

и – какие-то письмена на непонятном языке. Кроме того, в монете была пробита маленькая дырочка.

Наташа плюнула на монету и потерла ее между пальцев. Серебро, а именно из него была отчеканена монета, заблестело.

«Интересная вещичка, – подумала девочка. – В дырку можно продеть нитку и повесить ее себе на шею. Вот девчонки обзавидуются». И сунула монету в кармашек кофточки.

Бабушке она решила не говорить о своей находке, помня ее предупреждение ничего не поднимать на кладбище с земли.

Дуся наконец справилась с бумажными розами и взглянула на внучку. Та прыгала поодаль.

– Пойдем, Наташенька, милостыньку раздадим, – позвала она девочку. Потом перекрестила могилы, поклонилась им, и они отправились в обратный путь.

Когда они вернулись на улицу Красных Галстуков, Дуся еле держалась на ногах. Были ли этому причиной усталость, горячее солнце, неожиданно вылезшее из-за туч, или содержимое чекушки, сказать трудно. Скорее всего, свекольские пятна на Дусяном лице оказались следствием всех трех вышеперечисленных факторов. Как бы там ни было, она тут же плюхнулась на кровать и немедленно захрапела.

Наташа тоже изрядно устала. Беспреданно зевая, она побродила по комнате, потом пошла на кухню и поставила чай, а когда он закипел, налила себе полную чашку и взяла кусок пирога с малиновым вареньем. После пирога спать захотелось еще сильнее, девочка прилегла на диван и закрыла глаза.

Дуся пробудилась от страшного рева. В диком испуге она соскочила с кровати и сразу все поняла. Орал предмет ее гордости – телевизор «Рекорд», к которому, кроме нее самой, не смел прикасаться никто. Дуся подскочила к телевизору и выключила его.

– Наташка!.. – на этот раз уже орала она сама. – Наташка, ты зачем телик включила?! Кто тебе разрешил?!

– Я не включала! – Девочка села на диване и принялась протирать глаза.

– А кто же его включил?! – продолжала напирать Дуся.

– Не знаю... Я спала.

Дуся и сама уже поняла, что ребенок не виноват. Наташа всегда отличалась послушанием, а уж телевизор, который был для Дуси святыней, никогда бы тронуть не посмела.

«Как же это понимать?» – размышляла Дуся, подойдя к телевизору и зачем-то обнюхивая его. Телевизор пах пылью и подсохшей изоляционной лентой. Можно предположить только одно: телевизор включили в тот момент, когда в квартире отсутствовало электричество. Такое на улице Красных Галстуков случалось. Включили, он не заработал, ну и забыли про него... Теперь свет дали, и он сам собой включился. Но почему на полную мощность?

Размышляя над этими странными обстоятельствами, Дуся пошла на кухню, налила себе стакан остро пахнувшей жидкости из стоявшей на холодильнике трехлитровой банки с так называемым «чайным грибом» и залпом выпила ее. Газированный напиток шибанул в нос, и Дуся икнула. Тут ей показалось, что холодильник чуть заметно дернулся. Она в изумлении уставилась на агрегат, ожидая продолжения. И оно последовало. Холодильник снова дернулся, на этот раз значительно сильнее.

– Ой! – только и смогла произнести Дуся. И это «ой!» словно дало команду дальнейшим событиям.

Холодильник подпрыгнул на месте, дверца распахнулась, и из его чрева посыпались емкости с огурцами, капустой и вареньем. Банка с «чайным грибом» упала на пол и разбилась. Следом полетели бутылка с подсолнечным маслом, кусок соленого сала, пачка дрожжей и какие-то пузырьки с давным-давно просроченными лекарствами. Завершил картину огрызок

совершенно засохшей колбасы, ударивший Дусю по носу. Создавалось впечатление: продукты не просто падают, а их кто-то выталкивает наружу.

– Батюшки! – завопила Дуся. – Что же это делается?!

На вопли бабушки прибежала Наташа и, разинув рот, созерцала происходящее. А посмотреть действительно было на что. К пляшущему холодильнику присоединились и другие предметы кухонной обстановки. Заходил ходуном стол. Ящики его сами собой открылись, и из них вылетели ложки, вилки и ножи, но не посыпались на пол, а плавно закружились в воздухе. Один нож, самый большой (им Дуся обычно резала мясо), подлетел к ее лицу и завис перед ним, словно изучая.

– Мама, – только и смогла произнести хозяйка и села на пол.

В воздух тем временем взвились тарелки, вылетевшие из сушилки, висевшей над мойкой, и запорхали словно бабочки. Странное дело, столовые приборы не налетали друг на друга, а кружились в некоем заданном ритме, словно ими кто-то манипулировал.

– Бабушка! – воскликнула Наташа. – Объясни, что происходит?

– Не знаю я... Не знаю! Вещи взбесились! Все взбесилось! И откуда такая напасть свалилась?!

В холодильнике, среди прочей снеди, хранилось с пяток вареных картофелин и вареная же свекла, которые Дуся намеревалась использовать для приготовления винегрета. Теперь вышеперечисленные овощи плавали над хаосом, словно в безвоздушном пространстве, и являли своим видом нечто вроде небольших космических тел, если и не планет, то как бы астероидов. К ним, наподобие звездных кораблей, то и дело приближались столовые приборы и, облетев по орбите, отправлялись в дальнейший поиск.

– С ума сойти! – обозначила свое отношение к происходящему Наташа. – Вставай, бабушка, бежим из квартиры!

– Куда бежать, куда?! – вскричала Дуся, однако выполнила пожелание внучки, вскочила и ринулась в комнату.

Но и здесь творились не менее странные дела. Зеркальный платяной шкаф того стиля, который называют «славянским», подпрыгивал на месте. Телевизор вновь включился и орал о ходе посевной в Нечерноземье. Кровать выехала на середину комнаты и, словно норовистая лошадь, неистово била копытами, сиречь, ножками по полу.

Дуся отворила входную дверь и что есть силы завопила:

– Помогите!!!

Ее вопль пронесся между этажами и вырвался на улицу, где был тут же услышан сидевшими на скамеечке соседками. В том, что кричала именно Дуся, не было никаких сомнений, и соседки бросились на помощь. Когда Дуся увидела их разгоряченные лица в проеме двери, она присела на табурет и, простирая длань в сторону кухни, воскликнула:

– Зрите, сестры!

«Сестры», вытаращив глаза и приоткрыв рты, безмолвно взирали на буйство Дусиной мебели. Наконец самая отчаянная из женщин на цыпочках проследовала в направлении указующего перста. Вид происходящего на кухне и вовсе поверг ее в шок. Некоторое время она созерцала проявление космических сил в кухонном пространстве, потом повернулась к Дусе, находившейся в позе прорицательницы, и, еле ворочая языком, спросила:

– Почему так?

– А за грехи наши, – немедленно отозвалась Дуся. – Грешили, вот и кара.

– Милицию надо вызвать, – заметила наиболее прагматичная из женщин.

– Газоспасателей, – заявила другая.

– Пожарных...

– При чем тут газоспасатели? У нас в доме и газа-то нет. А пожарные? Ведь не горит же ничего. Только милицию!

– Что тут происходит? – раздался вдруг требовательный мужской голос. Он принадлежал водопроводчику Сундукову, проживавшему в том же подъезде, но на первом этаже. По случаю Родительского дня Сундуков находился в некотором подпитии.

– Мебеля у Дуськи взбесились, – сообщила женщина, которая призывала вызвать милицию. По-видимому, она сохранила наиболее ясный рассудок.

– Мебеля? Какие, то есть, мебеля?

– Сам посмотри.

С минуту Сундуков безмолвно взирал на поведение Дусиной кровати, изображавшей из себя лошадь, потом покачнулся и грохнулся в обморок.

– Слаб оказался наш Сундук, – заключила рассудительная женщина и пошла вызывать милицию.

Когда через двадцать минут к дому № 2 по улице Красных Галстуксов подъехал темно-синий полуфургон с красной полосой по бокам, ласково именуемый в народе «раковой шейкой», возле подъезда, в котором проживала Евдокия Копытина, собралось презрительное количество народа. Люди оживленно переговаривались, размахивали руками, а время от времени то один, то другой бегали наверх, в Дусину квартиру, чтобы собственными глазами узреть странные явления. При появлении милиции толпа расступилась, и стражи порядка чинно проследовали к Дусе. Происходящее у нее, казалось бы, не вызвало у милиционеров особого интереса. Некоторое время стражи порядка молча разглядывали происходящее, потом старший по званию обратился к хозяйке, продолжавшей восседать на табурете посреди всеобщего хаоса.

– А чего вы нас вызывали? – спросил сержант.

Дуся тупо молчала, однако бойкая женщина, позвонившая в милицию, тут же отозвалась.

– Как чего?! Как чего?! – завопила она. – А это вы видите?! – И она обвела творившееся безобразие широким взмахом руки.

– Ну видим. И что?

– Как что?! Прекратить надо.

– Как же мы можем прекратить?

– Скомандуйте.

– Ну ты, тетка, даешь! Скомандовать ей надо. Кому командовать-то?

– Этой... этим...

– Да кому, этим?

– Силам, которые все затеяли.

– Ладно, попробуем. Эй вы, неведомые силы, которые устроили этот бардак, прекратите немедленно!

Вначале ничего не произошло. Платяной шкаф продолжал трястись, кровать все так же подскакивала на месте, даже кухонная утварь по-прежнему порхала на ограниченном пространстве, однако милиционер повторил свое требование, и, похоже, оно возымело действие. Ножи и вилки посыпались на кухонный пол, за ними приземлились овощи. И мебель успокоилась, перестала дергаться, однако свои прежние места занять не спешила.

– Ну вот видите, – произнес сержант, – стоило прикрикнуть, и чудеса прекратились.

– Что значит начальственный бас! – иронически заметила бойкая гражданка.

– Именно, – подтвердил сержант. – Теперь оформим протокол... Но что писать – не представляю. Как растолковать происходившее, чтобы было понятно начальству?

– А может, не нужно никакого протокола, – заметил его напарник, совсем еще молодой парнишка в новенькой форменной фуражке. – Ведь преступление не имело места. Что, собственно, произошло? Да ничего особенного. Мебель сдвинулась со своих мест? Так этот факт легко объяснить. Дом-то старый. Вот и начал оседать. Просадка грунта. Такое иной раз случается.

– Толково рассуждаешь, Петровский, – одобительно заметил сержант.

– А вилки почему летали? – не сдавалась пытливая соседка.

– Электромагнитные поля на них действовали, – нимало не смущаясь, продолжил развивать свою версию событий Петровский. – От холодильника, к примеру...

– А почему они, поля эти, только в Дусиной квартире функциклируют?

– Этот вопрос не к нам, служителям Фемиды, – ответил грамотный Петровский, – а к научным кругам. Тут у вас поблизости пединститут находится. Обратитесь туда. Может быть, тамошние ученые дадут вам более развернутый ответ.

– Никакая это не осадка, – впервые подала голос Дуся. – Дом у нас хороший, крепкий...

– Тогда что это? – поинтересовался пыливый Петровский.

– Нечистая сила, вот что!

– А если нечистая сила, то нужно вызывать попа, – сообщил свое мнение сержант. – Пускай очистит квартиру. Водой святой ее опрыскает.

– Вот это верно! – воскликнула Дуся. – Первый раз за вечер я услышала дельные слова. Вызову батюшку, чтобы освятил мое несчастное жилище, а то в нем демоны завелись. С чего бы только? Ведь я и на кладбище сегодня побывала, и батюшку с маменькой помянула... Может, плохо помянула? Или кого забыла помянуть, вот он и сердится. Не ведаю, вот вам крест, не ведаю! Но покудова поп не пожалует, ноги моей здесь не будет. Собирайся, Наташа. К вам на Правый берег поедем.

На этом события на улице Красных Галстуков прекратились. Однако по-настоящему все только начиналось.

2

Автор уже немного рассказал о Соцгороде. Теперь пришло время поведать об одном из его районов несколько подробнее.

Город, а главное, завод начали строить в степи, прямо у подножия горы. Но степь эта была далеко не везде ровной, как стол. Местами она бугрилась холмами, а перпендикулярно горе с востока на запад протянулся небольшой хребет, именуемый Кара-дыр или, попросту, Карадырка. Хребет обрывался у левого берега реки. Прибывающих расселяли в бараках, поначалу без внутренних перегородок. Внутри приземистого одноэтажного корпуса громадное помещение было сплошь заставлено койками. Койка и была местом обитания строителя в свободное от работы время. На ней он отдыхал после трудовой вахты, спал, ел, любил, мечтал. Быстро приспособились отгораживать койки друг от друга ситцевыми занавесками. Занавески создавали подобие комнаты. Потом некоторые граждане стали отделять места своего обитания друг от друга дощатыми перегородками, часто не доходившими до потолка. Хотя комнатухи и напоминали пеналы, в них уже можно было уединиться. С «самостроем» усиленно боролись пожарные инспектора, но довольно быстро отступились, видимо получив команду свыше. В «пеналах» стали селиться семейные.

Барак просуществовали довольно долго, и к тому времени, о котором идет речь, их имелось еще много. На Правом берегу постоянно строились новые дома, посему бараки активно расселялись и тут же сносились.

Но помимо барачных имелось еще более неблагоустроенное жилье. Именовалось оно землянками. Вообще-то говоря, считалось, что с землянками покончено, однако последние из них мозолили глаза всему Соцгороду, поскольку были расположены на Карадырке, напротив одной из самых оживленных городских магистралей. Склоны гор были усеяны примитивными жилищами, поднимавшимися одно за другим к вершинам, словно ступени. Землянки представляли собой врытый в грунт деревянный остов, между полыми стенами которого была засыпана земля. Крышей служил слой толя, положенный на обрешетку. Внутри имелась одна комната, в лучшем случае еще и сени, они же – кухня. Окна располагались почти вровень с землей. Обогревалась землянка печью, на ней же готовилась еда. Вот, пожалуй, и все. При землянке обычно находился крошечный огород, обнесенный ржавой жестью, отходами штамповки, старыми кроватными спинками. Имелось и подобие двора, по которому бегала пара-другая кур. Кое-кто держал коз. Электричества в землянках не имелось, освещались керосиновыми лампами. Некоторые умельцы, на свой страх и риск, цепляли провода к какой-нибудь проходящей поблизости магистрали, благо вокруг их было в достатке, но очень скоро бдительные работники городских электросетей обрезали незаконную подводку.

Некогда внизу вдоль шоссе стояли ряды барачных, а при них имелись и магазин, и столовая, и даже баня, но теперь, когда бараки поносились, жителям землянок пришлось туговато. До культурных центров было порядочно. Одно радовало: у подножия хребта проходила трамвайная линия, и это весьма облегчало передвижение до нужных мест.

В наше время не у многих сыщется охота прозябать в трущобе, без простейших удобств и при этом посередине промышленного района. Скажем, до водозаборной колонки нужно было топтать не меньше получаса, столько же приходилось идти до ближайшего магазина за хлебом. Однако и здесь имелись свои прелести. Летним вечерком обитатели землянок выползали посидеть на лавочке перед своей хибаркой, поглядывали вниз, на завод, над которым пылали зарева от сливаемого шлака, а то отправлялись на реку, до которой было рукой подать. И хотя при этом приходилось спускаться с кручи и преодолевать многочисленные железнодорожные пути, рискуя попасть под колеса маневрового тепловоза, однако вода была столь теплой, что старческие кости переставало ломить. По правде говоря, купаться здесь можно и зимой, поскольку

в этом месте сбрасывались промышленные стоки. Другое дело, что назвать воду чистой было довольно затруднительно, однако жители Карадырки не особенно обращали внимание на это обстоятельство.

Вообще, жизнь в землянке как нельзя лучше подходила для той категории лиц, у которой возникали сложности при взаимоотношениях с законом или с властями. А таких здесь оказалось довольно много. Во всяком случае, в свое время проблемы на этой почве имелись почти у всех.

Молодежи в землянках вообще не наблюдалось, люди средних лет попадались не часто, а обитали тут в основном старики. Зато кто тут только не встречался! Скажем, в самой настоящей беленой хатке с камышовой крышей, спрятавшейся в небольшом распадке почти на вершине горы, еще совсем недавно обитал тучный осанистый хохол Марко Ковтун, про которого говорили, что он служил адъютантом у Петлюры. Ковтун разговаривал с окружающими на непривычной местному уху смеси русского и украинского языков, но чаще молчал. Обычно летом он сидел на скамейке возле калитки, покуривал кривую трубку-носогрейку и смотрел в небеса. Другой примечательной личностью был Семенов, бывший белый офицер, воевавший у Колчака. Он отсидел положенный срок, а выйдя на свободу, приехал в Соцгород, где у него жила дочь. Однако с родным дитем он почему-то не ужился и потому построил землянку и обитал в ней вместе с толстой гражданкой неопределенных лет, откликавшейся на имя Соня. Семенов из землянки почти не выходил, день и ночь строча мемуары о своей пестрой жизни. Встречались здесь и иные смутные фигуры, чья жизнь была, может, и не столь примечательна, но тоже весьма причудлива.

А внизу, под горой, день и ночь гудел металлургический гигант, до которого обитателям Карадырки не было никакого дела. Чем они жили, каким ветром питались, ведает один бог. В огородах росла картошка, помидоры и морковь. При землянках имелись погреба, в которых хранились сделанные на зиму запасы. Кто-то попрошайничал, кто-то собирал утиль... У иных имелись еще более экзотические источники дохода, скажем, отпевание усопших или изготовление бумажных венков. (Кстати, Дуся приобрела «розы» именно у одной из жительниц землянок.)

Посторонние здесь почти не появлялись, а если и забредал участковый милиционер из соседнего поселка, то об этом сразу же становилось известно, и жители трущоб затаивались и дверей не открывали. Имели место случаи, когда увесистый бульжник, брошенный невесть кем, пролетал над головой милиционера. Поэтому представители власти старались сюда без особой нужды не соваться.

Однажды, за несколько лет до описываемых событий, на Карадырке будто бы обнаружили золотую жилу. Кем был пущен этот слух, так и осталось неизвестным, однако на жалких подобию улиц замелькали неведомые личности, вооруженные кирками и лопатами. Но местный народ золотую лихорадку не приветствовал. Шурф, который вырыли старатели в том самом распадке, где стояла хатка Ковтуна, ночью кто-то засыпал, а когда, увидев такое дело, лихие ребята стали толпой ходить среди землянок и орать, что они сожгут этот клоповник к чертовой матери, по ним из кустов ударила автоматная очередь. Хотя пули и никого не задели, но золотоискатели немедленно рванули прочь и на Карадырке больше не показывались. Существовала ли жила или это были всего лишь досужие домыслы, так и осталось неведомым, хотя очень возможно, что золотишко в окрестностях хребта водилось, поскольку издревле в этих местах существовали пусть и небольшие, но вполне доходные прииски.

Кстати, насчет автоматной очереди. Оружие имелось почти в каждой землянке. Объяснялось это довольно просто. Как раз напротив Карадырки, по ту сторону трамвайной линии, располагалась так называемая скрапная площадка – место, на которое со всей страны свозили горы металлолома. Тут железо разделявали, пакетировали и отправляли на переплавку в мартеновские цеха. В конце войны, да и значительно позже, вплоть до шестидесятых годов, сюда

поступала масса оружия, начиная от пистолетов и винтовочных штыков и кончая танками. Вначале оно было собрано на полях сражений, потом отбраковано в результате утилизации армейских арсеналов. Одно время скрапная площадка практически не охранялась, и среди железного хлама «любители» копались часами. Здесь можно было отыскать вполне исправный «наган», «ТТ» с немного сплюсненным стволом, «парабеллум» в рабочем состоянии, «ППШ» без приклада и «МР 40», именуемый также «шмайссером», причем с полным боекомплектом. Умельцы собирали из трех неисправных «трехлинеек» одну действующую. Встречались находки и более зловещего свойства. Раз в немецком танке ребяташки отыскивали засохшую человеческую руку, причем при часах. Словом, для тех, кто желал вооружиться, особых преград не имелось.

Земляной поселок жил своей, особой, ни на что не похожей жизнью, не подчинялся законам, не платил налогов и изрядно мозолил глаза властям, поскольку был на виду. Однако снос его пока что не планировался, в первую очередь расселению подлежали бараки, в которых проживали трудящиеся массы.

Вот сюда-то и шагал сошедший с трамвая парень лет двадцати пяти, в потрепанных брюках-дудочках, клетчатой ковбойке и разваливавшихся сандалиях. В одной руке молодец нес пиджак, столь же потрепанный, как и брюки, а в другой – небольшой чемоданчик, так называемую «балетку». Был он высок, широкоплеч, имел темные волосы, вовсе не по моде весьма коротко подстриженные, карие глаза и высокие скулы. В его губастом рту поблескивали две желтенькие коронки-«фиксы». Сейчас рот сжимал бумажный мундштук дешевой папироски «Север». Парень мог бы попасть под определение: «интересный молодой человек», если бы не выражение его лица. На нем была написана ленивая скука. Снисходительная, слащавая улыбка и наглый блеск глаз говорили о презрении к окружающей действительности, а излишне короткий волосяной покров намекал на недавнее пребывание в местах не столь отдаленных. Молодца звали Юрием Скоковым, в определенных кругах он был больше известен под кличкой Скок. Неделю назад он вышел из заключения, где «парился» за кражу. Теперь Скок вернулся на родину и шел в землянку, возле которой прошло детство и где до сих пор проживала его мамаша.

Парень поднялся на пригорок и огляделся.

– Все то же, то же, только нет убитых сил, прожитых лет, – демонстрируя знание классики, вслух произнес он. – Ничего как будто не изменилось. Что ж, канаем до хавиры.

Он шел мимо покосившихся стен, мимо хлипких заборчиков, мимо гревшихся на скамейках дряхлых старцев, мимо необъятных размеров баб в кое-как застегнутых, ветхих халатах, стиравших в оцинкованных корытах старенькое бельецо, и с его лица не сходила все та же презрительно-снисходительная улыбка. На него тоже посматривали с равнодушным любопытством. Иные узнавали, кивали головами, но никто не бросился ему навстречу, не потряс радостно руку и уж тем более не обнял. И дело было даже не в том, что столь горячее проявление чувств здесь просто не было принято. Местная публика вовсе не интересовала Юрия Скокова, а он не интересовал ее. Идешь своей дорогой, ну и шагай дальше.

Наконец молодец достиг цели, к которой шел. Землянка, где проживала его мамаша, ничем не отличалась от прочих. Разве что на задах ее виднелась голубятня, ныне совсем обветшавшая. Скок, не стучась, толкнул низенькую дверь и, согнувшись в три погибели, пролез в землянку. Пыльное оконце пропускало, однако, достаточно света, чтобы можно было разобрать, что все оставалось таким же, как и три года назад, когда он появлялся здесь в последний раз. Земляной пол, прикрытый домоткаными половиками, стол с изрезанной за многие годы пользования столешницей, небольшой навесной шкафчик для посуды... Основную же площадь землянки, помимо печи, занимала кровать, на которой в эту минуту возлежала мамаша. Похоже, она была нетрезва, поскольку в землянке стоял густой дух водочного перегара, а на столе возвышалась на две трети опустошенная бутылка, валялись обкусанная краюха хлеба и

перья зеленого лука, а также стояла алюминиевая миска с остатками кислой капусты и жареной картошки.

Мамаша проснулась от шума, отверзла воспаленные очи, но не сразу поняла, кто перед ней находится.

– Эй?! Ты кто?! Чего надо?

– Протри зенки и погляди внимательнее, – грубовато отозвался визитер.

Женщина и вправду потеряла глаза грязноватой ладонью и ощерилась в подобии улыбки.

– А, Юрка, – засмеялась она, продемонстрировав беззубый рот, – откинулся, хитрован.

– А то...

– Водки хочешь?

– Мне бы пожрать сначала, а уж потом...

– Сейчас картошечки нажарю, яишенку сварганю, – засуежилась мамаша, слезая с койки. – Не ожидала, сынок, что явишься сюды.

– Я и сам не ожидал, – равнодушно отозвался Скок. – Чего я забыл в ваших трущобах? Как жили в дерьме, так и живете.

– А чего нам! – хмыкнула мамаша. – Была бы водка, была б селедка... – скорее прокаркала, чем пропела она.

– Вот-вот. Уроды!

– Ну ты брось... Не нужно ругаться. Живем, как можем. Не всем же в высоких замках обитать. Рак вон в речке залез в норку – и доволен. Сидит в ней и усами шевелит. И мы таковы.

В процессе столь содержательной беседы мамаша успела сноровисто растопить печь, споро начистила картошки, и вот уже на плите затрещало, зашипело в большой чугунной сковороде.

Тем временем Скок налил себе водки в стоявший тут же граненый стакан. Одним глотком выпил ее, взял из миски щепоть капусты и отправил в рот. Потом он достал полупустую пачку «Севера», выщелкнул из нее папиросу и закурил.

– Надолго к нам? – спросила мамаша, перемешивая картошку.

– Не знаю... Как получится.

– А чего делать собираешься? Опять за старое примешься?

Скок пожал плечами. Он и сам не знал, что ответить.

– Может, за ум возьмешься... на работу устроишься?

– Да погоди ты, маманя, с расспросами. Дай оглядеться.

– Ну конечно, конечно...

Мать поставила перед ним сковородку, в которой еще потрескивала картошка с салом, и в ней же была зажарена яичница-глазунья. Скок бросил окурок в печку, вылил в стакан остатки водки, выпил и принялся за еду. Ел он быстро и жадно. Чувствовалось – парень голоден. Когда насытился, посмотрел на мамашу осоловелыми от водки и сытной еды глазами.

– Покемарить бы, маманя?

– Ложись на мою койку и спи.

– А потом?

– Чего потом?

– Спать потом где?

– В сараюшке топчан твой старый стоит. Вот на нем и ночуй.

Скок достал новую папиросу, закурил и, не раздеваясь, улегся на мамашину кровать. Он сыт, пьян, и, как говорится, нос в табаке. Если это не счастье, тогда что? Думать о будущем в эту минуту совсем не хотелось.

– Сейчас бы бабу... – вслух произнес Скок.

Но и баба в эту минуту была ему не нужна. Недокуренная папироса вывалилась из полуоткрытого рта и сама собой погасла. Скок захрапел.

Тут следует сказать несколько слов о нашем герое. Юра Скоков был типичным уличным парнишкой, каких после войны развелось предостаточно. Мамаша попала в Соцгород с волной эвакуированных в сорок первом году, будучи уже беременной Юрой. Происходила она откуда-то с юга, кажется, из Ростова. Юрин батька, с которым мамаша была не расписана, сгинул где-то в пути, а она сама, довольно миловидная тогда, определилась в столовую общепита посудомойщицей. Живот она тщательно маскировала. Родив Юру, она почти сразу же вышла на работу, а ребенка пристроила в Дом малютки. Столовая располагалась совсем недалеко от ее теперешнего места обитания. В ту пору землянки были в моде, поскольку являлись пускай некомфортабельным, однако отдельным жильем, внутри которого гражданин мог вытворять все, что ему угодно, не опасаясь чужих взглядов. Мамаше требовалось именно нечто подобное. С помощью многочисленных знакомых мужского пола она соорудила себе вполне приличную, по ее мнению, нору; да и до работы было совсем рядом.

Целый год Юра рос в Доме малютки без материнского пригляда. Изредка мамаша все же являлась сюда, справлялась о здоровье сына и спокойно удалялась, словно не замечая укоризненных взглядов нянечек. Однако, как только ребенок встал на ноги, материнские инстинкты в «кукушке» все же пересилили легкомыслие, она забрала Юру и принесла в землянку. Лет до трех она, уходя на работу, привязывала к ноге сына веревку, которая ограничивала передвижение мальчика. Летом и в начале осени он копался в огороде среди картофельной ботвы и чихлых помидоров, играл, строя из катушек и консервных банок автомобили, или бросал камешки в копошившихся в пыли воробьев. Когда Юра подрос, привязывать его стало бесполезно, и он влился в стаю полубеспризорной ребятни. Подобных детей в ту пору было в земляном поселке довольно много. Малолетняя шпана носилась по окрестностям, играла в «чижа», в «клек», в лапту или в футбол тряпичным мячом. В жаркие дни околачивалась на берегу реки, время от времени лазала на скрапную площадку в поисках оружия и воровала по мелочам.

Всеобщим поветрием в ту пору были голуби. Особо редких пород в поселке не наблюдалось. У солидных голубятников водились турманы, монахи и николаевские, но большинство ребятешек в породах разбирались не очень чтобы... Мохноногий – вот главный критерий. Такие птицы ценились. Еще было модно щеголять особым голубятничким жаргоном. «Сизоплекие», «красно-башие»... Эти слова звучали как заклинание, как ключ для проникновения в волшебный мир поднимающегося в небо голубинового вихря, сверкающих на солнце разноцветных перьев, треска хлопающих крыльев...

Вокруг голубятен концентрировались разного рода асоциальные элементы: уголовники всех мастей, вернувшиеся из отсидки или, наоборот, дожидавшиеся ареста, хулиганы, но больше всего было самых обычных мальчишек, которых звала в свои объятия блатная романтика. Здесь детвора набиралась понятий, которые в школе не преподавали, но которые, по мнению пацанов, должны были пригодиться в будущей жизни. Хотя тогда ни о какой будущей жизни даже не думали. Собирались возле будок, перед которыми на утоптанной до крепости бетона земле копошились птицы, хвалились собственными голубями, солидно цедили слова, тянули, один за другим, одну общую сигарку, презрительно сплевывали вязкую слюну сквозь зубы, стараясь цвиркнуть погромче, позабористей.

Юру уже в раннем детстве перекрестили в Скока. Прозвище так к нему и прилипло. Скок и Скок, он не обижался, даже гордился. Было в прозвище нечто несомненно блатное.

– Скок – по-нашему кража, – объяснил ему карманник Федул, – а скокарь – вор. Ты покамест не вор, и даже не воровайка, а так... шибздо малолетнее. Коли у тебя такая кликуха, должен ей соответствовать. Стыришь лопатник у фраера, тогда за своего проканаешь, а пока ты сявка локшловая.

Шустрый Юра скоро понял, где он, подлинный фарт, и примкнул к группе малолетних карманников, которыми верховодил опытный Федул, имевший уже три судимости, или, по-блатному, ходки. Вначале Скока поставили на перетырку, то есть он должен был получить украденный в толпе кошелек и побыстрее с ним скрыться. Постепенно он сам стал «щипать» карманы зазевавшихся граждан, а когда попался, получил год, ввиду малолетства, и отправился в лагерь. Было ему тогда пятнадцать. Скоро он вернулся и взялся за старое. Мастерство росло, однако и росло количество отсидок. Сейчас он освободился в очередной раз и еще в зоне твердо решил завязать.

Скок похрапывал и сопел. В уголках полуоткрытого рта пузырилась слюна. Ему снилось детство, голуби... Будто он и сам летает. То ли потому, что сам превратился в птицу, то ли просто от счастья, что наконец вернулся домой. Конечно, эту убогую нору и домом-то назвать было нельзя, однако ничего другого в жизни он не видел. Землянка – лагерь, землянка – лагерь... Вот и все его бытие. Но ведь живут же и по-другому. Имеют нормальные квартиры, работают, растят детей... Радуются жизни, другими словами... Эти мысли выплыли из подсознания, загнанные туда идиотской привычкой презрительно смотреть на окружающий его мир. Ощущение полета внезапно исчезло. Теперь он стоял на вершине горы, рядом со своей землянкой. Моросил бесконечный холодный дождь. Все вокруг было затянуто пеленой мутного тумана. Скок знал – дом рядом. Но в какой он стороне, совершенно не представлял. В то же время он осознавал: склон горы крутой. Сделаешь неверный шаг – и полетишь вниз, ломая кости. Что же сделать, как найти выход?

Вошедшая в землянку мать услышала, как сын глухо застонал. Она подобрала с пола потухшую папиросу, вздохнула, подошла к нему, но будить не стала, лишь покивала головой каким-то своим мыслям и вышла прочь.

Скок пробудился от хриплого вопля петуха, оравшего, казалось, над самым ухом. Он вскочил, вначале даже не осознав, где находится. Показалось: прозвучала команда «подъем», захотелось вытянуться перед шконкой, однако тут же понял, где находится, и хмыкнул. Крепко въелись зоновские повадки! В одночасье и не вышибешь. Мамаша вновь нажарила картошки с яйцами. Скок лениво поковырял ее древней трезубой вилкой, похлебал жиденского чайку. Когда поднялся из-за стола, мамаша, не глядя на него, спросила:

- Куда пойдешь?
- Осмотреться надо, – сообщил Скок.
- Ну гляди...
- А чего глядеть. Дорога известная. Схожу на Куркулевку, а может, на Гортеатр заскочу...
- Чего ты там забыл?
- Ребят увидеть хотелось бы.
- Все твои ребята сидят.
- Откуда знаешь?
- Земля слухом полнится. Сходи... Никто не запрещает. Оглядеться, конечно, можно, только... – она не договорила.
- Что «только»?
- Только за старое не берись.
- Кончай, маманя, треп. Чего ты с первого дня заладила: за старое, за старое... Я чего тебе, пацан? Сам, что ли, кумекать разучился?
- Знаю я, в какую сторону ты кумекаешь. По карманам тырить много ума не нужно. Лучше бы дома сидел.
- А чего дома-то делать?

– Да хотя бы в порядок его привести. Крыша вон как решето. Как дождь – течет как из ведра. Перекрыть нужно. Заборку, вон, поправить. Калитку толком привесить. Работенка-то есть, рук подходящих вот только нету.

– Сделаем, маманя! Все будет в лучшем виде! – заверил Скок. – А пока дай хоть малость отдышаться.

– Ну давай дыши, – равнодушно, однако с оттенком осуждения пробормотала мамаша.

Куркулевка находилась как раз посередине между земляным поселком и тем районом, где началось действие нашей истории. По уровню жизни она стояла несравненно выше карадырских трущоб, поскольку дома здесь были капитальные, основательные, располагались за крепкими заборами. При домах имелись земельные участки, засаженные плодовыми деревьями и разной огородной чепухой. Неподалеку по выходным шумела городская барахолка, в будние дни превращавшаяся в обычный базар. Собственно, Куркулевка процветала именно благодаря базару. У здешних хозяев останавливались приезжавшие на базар торговцы с Кавказа и из Средней Азии. Тут они жили месяцами, тут, под присмотром злющих цепных псов, хранили свой сладкий, душистый товар – мешки с урюком, курагой, изюмом, а летом и осенью привозили уже свежие фрукты: персики, груши, громадные краснобокие яблоки, разноцветный виноград. Над пахучей сладостью вожаденно вились и жужжали осы и пчелы. Понятно, что местные жители, в просторечии куркули, имели весьма солидный доход от скорейшей реализации этих скоропортящихся товаров и от собственных услуг в адрес привозивших их купцов. По понятиям Скока, денег у них было немерено. Нужно сказать, что и в те благословенные времена существовало нечто вроде рэкета. Чтобы жить без проблем, нужно было делиться. Причем не только с уголовным миром, но и с милицией, чье управление располагалось совсем рядом с Куркулевкой. Впрочем, все эти структуры мирно сосуществовали друг с другом.

Друг и покровитель Скока Федул обитал как раз на Куркулевке. От практической деятельности он отошел, но был кем-то вроде смотрящего за всем происходящим не только в криминальном, но и в околोकриминальном мире. Первым делом Скоку хотелось повидаться именно с этим человеком. Рассказать о себе, узнать новости, да просто пожать худую длинную ладонь с пальцами пианиста. Федула Скок уважал.

Тропинка, по которой продвигался Юра, петляла меж гор, то спускаясь в ложбину, то поднимаясь на самую кручу. Двигаться приходилось почти бегом.

Лето только начиналось. Хотя солнышко во всю силу светило с безоблачного неба, было прохладно. Деревья стояли еще голые, но кустарник по сторонам тропы зазеленел, а на пригорках желтели первые одуванчики. Мурлыкая под нос «С одесского кичмана бежали два уркана...», Скок спустился с последней горки, обошел пару двухэтажных домов, стоявших особняком от прочего жилья (эти дома назывались «пожарными», поскольку в них в основном проживали люди этой мужественной профессии), перешел трамвайную линию и углубился в Куркулевку. Он быстро нашел нужный дом, дернул на себя калитку и, убедившись, что она заперта, чего раньше никогда не наблюдалось, застучал в массивные ворота.

Долго никто не открывал, потом загремел засов, и в проеме показалась знакомая физиономия сожительницы Федула Морковки.

– Тебе чего? – вместо приветствия произнесла она.

– Самого.

Заспанные глаза Морковки раскрылись пошире.

– А ты разве не в курсах?

– О чем?

– Да о Федуле... Схоронили его. Два месяца тому как, – наклонившись к Скоку, прошептала Морковка. – Аккурат в марте.

– Не знал я. Только «от хозяина»...

– Ага. Понятно. Короче, было толковище. Какие-то залетные кинули предъяву, мол, Федул мусорам стучит. Тот в отказ пошел. Туфту, говорит, лепите. Докажете? Те, понятное дело, не просто так базар затеяли. Ты, толкуют, Дипломата вложил... И маляву с зоны под нос суют. А там все обсказано: когда, чего... Крыть нашему нечем, видит: все равно кончат, ну он и в наглянку пошел. Я, говорит, честный вор, а не какая-нибудь сука. Ах не сука?! Докажи! Он схватил канистру с бензином, облил себя и поджег...

– Ничего себе! – только и смог произнести Скок.

– Вот тебе и ничего. Так что, Юрок, сыграл в ящик наш Федул.

– И кто же за него?

Морковка пожала плечами:

– Не знаю я... Наверное, никого. Мусора, в натуре, крепко пошерстили. Многие загремели. Никого из деловых, считай, не осталось. Так... Одни малолетки да всякая шелупонь.

– А Кока?

– Шлеп-Нога? Этот вроде на месте. Не знаю, шмонает ли. Наверное, работает. Что ему еще делать? Кормиться-то надо...

– Схожу к нему, – сказал Скок.

– Давай. Приветик от меня передай. Последний раз на похоронах Федула его видела...

Кока Шлеп-Нога проживал на Гортеатре, между прочим, совсем неподалеку от улицы Красных Галстуков, в двухэтажном доме постройки тридцатых годов. В квартире, кроме него, обитали еще две семьи. Увидев Скока, он, похоже, обрадовался, во всяком случае, его широкая лоснящаяся физиономия выразила восторг.

Комнатушка, в которую прошел Скок, обычно выглядела весьма убого. Кока жил один, а посему Кокин быт, насколько помнил Юра, мало чем отличался от быта землянок. На кровати – серое солдатское одеяло, засаленная подушка без наволочки, на столе заплесневевшие корки хлеба, валявшиеся здесь неведомо с каких времен... Ныне же обиталище Коки было не узнать. Стол застелен новой клеенкой, на нем в симметричном порядке стоят две тарелки: глубокая для супа и мелкая для иных блюд, вилка и ложка лежат по углам, напротив друг друга, а нож со сточенным от долгого употребления лезвием посередине, постель прибрана, а белье на ней опрятное. На полу чистенький домотканый половичок, а на стене у кровати сине-желтый коврик с пасущимися на лугу ланями. Станным казалось и то, что под потолком имелась иконка какого-то святого с еле различимым ликом, а на стене висело большое почерневшее распятие.

– Откинулся, – бормотал Кока, беспрестанно потирая руки. Несмотря на пухлую фигуру, были они у него маленькими и холеными. – Рад, очень рад.

– А рад, так давай отметим мой выход, – Скок выразительно щелкнул себя по горлу. – Можно у тебя, а можно и в пельменную смотаться.

– Не пью я, – извиняющимся тоном произнес Кока.

– Чего?!

– Не пью.

– Давно ли?

– Да уж месяца два. С тех пор, как Федул упокоился. Слышал про Федула?

– Слышал... Почему не пьешь? Язва, что ли?

– Не язва, другое...

– Чего другое? Колись.

– Я, видишь ли, уверовал в Господа. – Сообщив это, Кока опустил глаза и истово перекрестился.

– Уверовал?! – изумился Скок. – В Бога, что ли?

– В Господа нашего Иисуса Христа, – важно произнес Кока.

– Ничего себе! – только и смог сказать Скок. – А как же это самое?... – Он сделал пальцами жест, словно пересчитывал купюры. – Карманка-то?..

– Не ворую больше, – скромно сообщил Шлеп-Нога. – Ни-ни!

– Как же это может быть?

– А так. Вскоре как Федула закопали. А закопали его как собаку какую. Без отпевания. Я познакомился с хорошими людьми, которые меня вразумили и наставили. Теперь как вечер – я к ним. Они тут недалече обретаются. Ну молимся... И вообще, разговоры духовные ведем.

– Поклоны, значит, бьешь, – насмешливо констатировал Скок.

– Ты не смейся. Душу спасать нужно. Грехов на ней множество висит. А я не желаю, чтобы как Федул в геенне сгинуть. Вот молитвами Божьими и очищаюсь.

– А жрать-то как же? На какие шиши существуешь?

– Работать устроился.

– Работать? Ты?!!

– А чего... Чем я хуже других?

– И где же пашешь?

– В магазине грузчиком. Платят, конечно, не так чтобы очень, но много ли мне надо? На хлебушко да на молочко хватает, и слава богу.

– Ну ты, Кока, даешь! Вот уж не думал...

– И тебе, Юра, советую покончить с преступной жизнью. Сколько можно нечистого тешить. Давай к нам.

– Молиться, что ли? Нет уж, спасибо. Я как-нибудь без этого обойдусь. Слушай, Кока, а кто из наших, кроме тебя, богомольца, еще остался?

– Да, считай, никто. Ежа закрыли. Сохатого и Пыню тоже. Кто-то отошел... Словом, масть не прет. – Кока в первый раз употребил блатное выражение. – На Правом есть два-три человека. Работают в трамваях, но не так чтобы очень. Опасаются. Недавно одного работяги крепко помяли. Словом, никого, считай, не осталось. А ты, Скок, чего собираешься делать?

– Да уж не поклоны Богу класть. Ладно, Шлеп-Нога, будь здоров. Спасай свою пропащую душу, а я поканаю своей дорогой.

И Скок отправился восвояси.

Из того, что он узнал за сегодняшнее утро, картина вырисовывалась, можно сказать, безрадостная. Конечно, работать можно и в одиночку. Возможно, так даже удобнее, но ведь скучно! Даже обмыть добычу не с кем. А уж поговорить «за блатную жизнь» и вовсе. Когда в лагере он размышлял, а не завязать ли с воровской жизнью, эти намерения были весьма расплывчаты и абстрактны, но вот теперь ситуация казалась самой подходящей для этого. Еще в лагере он не раз слышал: блатная жизнь пришла в упадок, быть вором не модно. Исчезало главное, на что опирался блатной мир, – нищета! Если в сороковые-пятидесятые годы молодая поросьля рекрутировалась из ребят, обездоленных войной и послевоенной разрухой, из живших в трущобах сирот, для которых имелись всего две дороги: ремеслуха или улица, то теперь народ стал жить если и не намного богаче, то во всяком случае зажиточнее. Появились иные ценности. Вполне доступными для трудящегося паренька стали мотоцикл или мотороллер, а иные замахивались и на личные автомобили. Телевизоры и холодильники можно было купить относительно свободно. Но главное, что притягивало людей на производство, была возможность довольно быстро получить отдельное жилье.

«Может, и мне податься в цех, – размышлял Скок, направляясь к трамвайной остановке. – Но прежде нужно получить паспорт». И он отправился в горотдел милиции.

3

В величайшей спешке покинув разгромленную нечистой силой квартиру, Дуся Копытина с внучкой Наташей отправились на Правый берег, к дочери Люсе. Кстати, Наташа вовсе не воспринимала чудеса, происходившие на улице Красных Галстуков, с таким же ужасом, как ее бабушка. Девочке казалось: порхающая на кухне посуда и сама собой двигавшаяся мебель только начало чего-то еще более захватывающего, похожего на ожившую сказку. Но чего, этого она вообразить себе не могла.

Когда Дуся прибыла к дочери и принялась повествовать ей и зятю о приключившихся в ее квартире страстях, она то и дело призывала в свидетели Наташу. Девочка образно живописала невиданное действие, развертывающееся у нее на глазах. Особенно ей запомнились ножи и вилки, облетавшие вареные картофелины и свеклу.

– Как космические корабли вокруг планет, – хихикала она.

Бабушка, однако, не разделяла веселья внучки. Она заявила донельзя удивленным дочери и зятю, что пока квартиру не освятит поп, она туда не вернется ни за что на свете.

– За грехи мои это все, за грехи мои!.. – то и дело повторяла Дуся, всплескивая руками, и принималась плакать.

– Да за какие грехи, мама? Что ты такое несешь?!

Но старуха не успокаивалась и продолжала рыдать.

От Дуси явственно пахло алкогольным перегаром, и это не могло не насторожить родных. Вначале они просто не поверили сбивчивым речам. Но Наташа подтверждала достоверность событий. Кроме того, присутствие на месте происшествия милиции вроде бы говорило о том же.

– Ты хоть квартиру закрыла? – поинтересовалась дочь.

– Ах, ничего я не знаю! – продолжала стенать Дуся.

– Собирайся, Миша. Поехали туда, посмотрим... – приказала дочь мужу. – А заодно и дверь проверим. А то мать со страха все побросала. Поедешь с нами? – спросила она у Дуси.

– Ни за что! – ответствовала та.

Когда дочь с мужем прибыли на улицу Красных Галстуков, уже почти стемнело, однако возле подъезда, в котором проживала Евдокия Копытина, стояло довольно много оживленно беседовавших между собой людей.

– Похоже, мать и Наташка не врут, – высказала вслух свои предположения дочь.

Когда парочка подошла к народу, публика затихла, только настороженно поглядывала на вновь прибывших.

– Что у вас тут случилось? – спросила дочь у той самой женщины, которая вызвала милицию.

– А ты, поди, не знаешь!

– Мать рассказывала о каких-то странных вещах, якобы творившихся в ее квартире.

– Не странных, а страшных! – завопила другая женщина. – Там черт куролесил! Или домовый!

– Пойдем, Люся, посмотрим, – потребовал муж.

– А если там и вправду черт? – попыталась урезонить своего Мишу Люся.

Муж только засмеялся. Никаких чертей он не боялся, поскольку в них не верил.

Родственники Дуси поднялись на второй этаж, остановились перед дверью и прислушались. За ней, казалось, было тихо. Люся опасливо дотронулась до дверной ручки, слегка потянула ее и тут же отдернула ладонь.

– Что, страшно? – спросил Миша.

– А ты думал!

– Давай ключи.

Щелкнул замок, и они вошли внутрь, вначале Люся, потом муж. Миша зажег свет, и разгром предстал перед ними во всей своей красе. Ни одна из вещей, имевшихся в квартире, не стояла на своем месте. Платяной шкаф громоздился посередине комнаты, кровать уперлась вплотную к нему. Люся заглянула на кухню. Столовые приборы валялись по всему полу. Тут же пребывали вареные картофелины, превратившиеся в лепешки, словно их с силой швырнули об пол. Однако, кроме разгрома, в квартире не наблюдалось ничего примечательного. Вещи не прыгали и не скакали. Холодильник не трясся, а шнур телевизора был просто выдернут из розетки.

– Ничего себе! – только и смогла произнести дочь, а муж принялся устанавливать мебель на свои места.

– Как ты думаешь, что тут произошло? – спросила Люся.

– Не знаю. Возможно, электромагнитные поля, – высказал предположение Миша, сам того не подозревая, повторив догадку милиционера Петровского. – Нужно бы электриков пригласить.

– А мать попа хочет, – заметила Люся.

– Поп тоже не помешает, – охотно согласился прагматичный Миша.

Они еще раз обошли квартиру. После уборки в ней царил относительный порядок. Оставшись довольными делом своих рук, а еще больше тем, что никаких экстраординарных явлений во время их присутствия не наблюдалось, они покинули помещение.

– Ну чего там? – спросили любопытствующие соседи.

– Все нормально, – сообщил Миша. – Ничего, прямо скажем, не происходит. Имел место некий беспорядок, но мы его ликвидировали. Так что, граждане, можете спать спокойно. Если в тещиной квартире чего и было, то теперь в ней полный порядок.

И они отбыли восвояси, оставив публику размахивать руками и делать всевозможные предположения.

На следующее утро Дусина внучка отправилась в школу. Придя в класс, девочка вытащила из портфеля и надела на шею поверх коричневого форменного платица найденную вчера монету. Монета висела на тонком красном шнурке, ранее перевязывавшем коробку шоколадных конфет «Сказки Пушкина», и, по мнению Наташи, выглядела просто сногшибательно. Во всяком случае, она немедленно привлекла внимание ребятишек.

– Чего это у тебя? – с любопытством спросил сосед по парте Славик Безухов.

Наташа только пренебрежительно повела головкой.

– Медаль, – предположила Ира Новгородова.

– «За спасение утопающих», – хихикнула Светка Костюк.

– Это военная медаль, – сделал вывод Безухов. – Видите, звезда...

– У отца стащила, – съехидничала Светка.

– Дура ты! Ничего не у отца, – небрежно отозвалась Наташа.

– Сама дура... Ну скажи, где взяла?

– Не важно. Это древняя монета.

– Мо-не-га! Монета – котлета, монета – ракета... На помойке нашла, – продолжала ехидничать Светка.

– Сними, дай посмотреть! – заканючил Славик.

– Не дам!

– Ну дай!

– Отстань!

Прозвенел звонок, призывавший к началу урока.

– Ребята, успокаивайтесь, – потребовала вошедшая в класс учительница. – Дружно встали. Здравствуйте. Садитесь. Тема сегодняшнего урока – работа над ошибками. Вчера вы писали диктант...

– Я только одним глазком гляну, – продолжал нить Славик. – Наташечка... ну пожалуйста!

Не глядя на соседа, девочка отрицательно покачала головкой. Тогда Славик решил добиться вожаемой вещи силой. Он попытался сдернуть шнурок с шеи Наташи. Та немедленно вцепилась мальчику за щеку.

– Самсонова... Безухов... Чем это вы заняты? – возвысила голос учительница.

– А чего он лезет, – плаксиво произнесла Наташа.

– Безухов, в чем дело?

– Я только хотел посмотреть...

– На что посмотреть?

Славик ткнул пальцем в монету.

– Самсонова, что это ты нацепила?

– Украшение, – отозвалась Наташа.

– Украшение?! Ну-ка, дай взглянуть.

Девочка сняла монету и протянула ее учительнице. Та бегло глянула на цацку, покрутила ее в пальцах, потом вернула Наташе.

– Спрячь, и чтобы больше я эту дрянь у тебя на шее не видела. Ты что, собака? Это собакам вешают подобные бляхи.

Класс засмеялся. Наташа обиделась на насмешку, но свою обиду до времени удержала при себе.

– Все, кончили! Ты, Самсонова, кстати, написала диктант на тройку. И вот что мне интересно. У тебя и у Безухова одни и те же ошибки. Кто у кого списывал? Признавайтесь!

На перемене к Наташе подошел Вова Пушкарев, мальчик, пользовавшийся в классе репутацией очень умного и чрезвычайно много знающего человека. Обычно он не снисходил до такой мелочи, как Самсонова, да и вообще с девчонками не общался. Однако на этот раз нарушил собственные правила. Дело в том, что Пушкарев постоянно что-то собирал, или, как он выражался, коллекционировал. А коллекционировал он очень многое. Во-первых, марки. Это было основным увлечением. Но, кроме знаков почтовой оплаты, шустрый ребенок собирал значки, спичечные этикетки, форменные пуговицы, а вот теперь добрался и до монет. Их он начал собирать недавно, однако в его коллекции, кроме алюминиевой мелочи стран народной демократии, разных там Польш, Чехословакий и ГДР, имелся американский цент, английский пенс и шведская крона. Присутствовали и медяки царствования последнего императора, а кроме них, и почерневший дырявый полтинник с профилем Николая Второго. Но подлинной гордостью нумизматической коллекции Вовы Пушкарева являлся громадный медный екатерининский пятак.

Монету, висевшую на шее Наташи, он видел только издали, но она чрезвычайно заинтересовала его.

– Наташа, покажи, пожалуйста, – попросил он весьма вежливо.

Девочка взглянула на чистенького упитанного блондинчика в аккуратном костюмчике. Вова давно нравился ей. Однако держался он гордо и отчужденно, на девочек вовсе не смотрел. Теперь же, когда Пушкарев сам подошел к ней, Наташа почувствовала на себе завистливые взгляды подружек, в первую очередь Светки-змеюки. Наташа немного подумала, потом полезла в портфель, достала монету и протянула ее Вове.

– А мне так не дала! – заорал Славик и в сердцах выскочил из класса.

– Дырявая, – недовольно произнес Вова, разглядывая монету.

Наташа пожалала плечами.

– Можно я ее поизучаю, а в следующую перемену верну тебе?

– Пожалуйста.

– Робя! Жаба разбилась! – заорал вернувшийся Славик, с грохотом распахнув дверь класса.

Жабой звали учительницу русского языка и литературы, которая только что вела урок в их пятом классе.

– Как разбилась?! Что с ней случилось?! – заорали ребяташки.

– С лестницы грохнулась! – продолжил Славик. – Башка вдребезги! Руки, ноги – навыворот!

– Врешь!.. Не может быть!..

– Идите сами и посмотрите.

Ребята повалили из класса, наслаждаться редкостным зрелищем.

А случилось вот что. Александра Яковлевна Эйбоженко, известная среди учеников как Жаба, направляясь в учительскую, поскользнулась, упала и, кубарем пролетев два лестничных пролета, распласталась в рекреационном зале второго этажа. Сбежались школьники, выскочили из учительской педагоги и в ужасе смотрели на недвижимое тело коротконогой толстенькой хохлушки. Наконец, она еле слышно застонала.

– «Скорую»... «Скорую» вызывайте!.. – завопили ее коллеги.

– Что с вами случилось, Александра Яковлевна? – спросила директриса, наклонившись над страдальцей.

– Меня толкнули, – еле слышно прошептала та.

– Кто толкнул?

– Не знаю... Сильно... Это... не ученик...

– Тогда кто?

– Не... знаю...

«Как понимать это «не ученик»? – размышляла директриса. – Кто ее мог толкнуть, если ее, конечно, действительно толкнули? Посторонние в школе в данный момент как будто отсутствуют. Пролетела она действительно порядочно. Может быть, это сделал кто-нибудь из старшеклассников, но, опять же, для чего? Отомстить за «неуд»? Но в старших классах Эйбоженко не преподает. Хулиганство?..»

Директриса пожалала плечами и пошла на лестницу. Тут ей показалось, что причина падения учительницы обнаружена. Вторая ступенька сверху была немного повреждена. На ее краю имелся небольшой скол. Может, она тут запнулась да и сверзилась вниз. Поскольку Александра Яковлевна маленькая, но при этом имеет весьма солидные габариты, вот она и пролетела пролеты как мячик.

Подъехала «Скорая помощь». Постанывающую учительницу не без труда погрузили на носилки, за ручки которых взялись четыре самых дюжих старшеклассника, и потащили ее к машине. При выходе из школы неопытные школьники опрокинули носилки, и несчастная вновь грохнулась на цементный пол... Это было ужасно!

Получив во временное пользование монету, Вова Пушкарев немедленно принялся за ее изучение. Шел урок географии. Учительница монотонно талдычила о реках СССР, но Вова ее не слушал. Его целиком поглотила исследовательская страсть. Мальчик достал из папки небольшую лупу и с ее помощью принялся разглядывать металлический кругляш.

Монета, скорее всего, была отчеканена из серебра. Хотя Вова и не очень разбирался в подобных вещах, он правильно определил металл, из которого она была изготовлена. Дальше размер. Монета, на глаз, примерно соответствовала размерам царского рубля. Дырка. Она не круглая, а скорее квадратная. Пробита весьма аккуратно. Заусениц не наблюдается. Может быть, дырка сделана уже в процессе чеканки? Теперь изображения на монете. На лицевой сто-

роне, или аверсе, – пятиконечная звезда. Но она не выпуклая, а как бы врезана в поверхность металла. В центре звезды глаз. На монете имеется надпись латинскими буквами. На каком языке, Вова не понял. Однако он сообразил, что это не английский, который он немного знал, поскольку изучал его в школе, и, похоже, не немецкий... Тогда какой? Может быть, французский или испанский? Теперь обратная сторона – реверс. На ней крест. Но не простой, а, если можно так сказать, фигурный. Его тонкие перекладины немного расширяются от центра, причем концы перекладин раздвоены наподобие ласточкина хвоста. Вова видел такие кресты на старинных картинах. Они украшали груди вельмож среди прочих наград. Впрочем, у креста имелась еще одна особенность. В верхней и нижней его частях, наискосок друг от друга, хорошо различимы полумесяцы, рога которых направлены к перекладине креста, и шестиконечные звезды. Здесь тоже имелась непонятная надпись. Торец монеты, или, другими словами, гурт, был неровен. Да и сама она не идеально круглая, а словно вырублена зубилом из большого листа металла. Само же состояние монеты оставляло желать лучшего. Ее поверхность была усеяна мелкими царапинами, а с одного края имелась приличных размеров щербина, словно кто-то пытался надкусить ее край. Судя по всему, перед Вовой лежал талер. Причем очень древний. Начиная что-либо коллекционировать, пылкий ребенок старался подготовиться теоретически, поэтому читал соответствующую литературу. Он знал, что талеры начали чеканить с начала шестнадцатого века и первое время год выпуска на монетах не ставили. Теперь такая монета попала в его руки. Видимо, стоила она очень дорого. Наташка, конечно же, не знала ее истинной цены, и поэтому монету у нее можно выменять. В порыве любознательности мальчик решил перевести изображение монеты на бумагу. Для этого он вырвал из блокнота листик, положил под него монету, потом осторожно стал водить грифелем карандаша по его верхней поверхности. Постепенно на бумаге стали проявляться контуры монеты, пятиконечная звезда и надписи по бокам. Точно так же Вова перевел на листок и реверс монеты. Некоторое время он любовался на свою работу, потом засунул листок с изображением монеты в лежавший на парте учебник географии и вновь стал вертеть в пальцах интересную штучку.

– Ничего штучка, – сообщил на перемене Вова, возвращая монету девочке.

Она польщенно улыбнулась.

– Может, сменяем? – продолжил Вова.

– Нет, – категорически отвергла предложение мальчика Наташа.

– Ты же еще не знаешь, на что.

– Да хоть на что. Она мне нравится. Носить буду на шнурке.

– В школе не поносишь. Не разрешат.

– На улице тогда. Скоро лето, каникулы...

– Отберут, – веско произнес Вова.

– Не отберут.

– Вот увидишь. И потом, что это за мода на шее монеты носить? Жаба правильно сказала: ты же не собака.

– При чем тут собака. Монета красивая...

– Не спорю, красивая. Но ты же не знаешь, что я за нее предложу.

– Ну что?

– А что ты хочешь?

– Куклу!

– Какую куклу?

– Чтобы у нее глаза закрывались.

– Ты разве маленькая? Куклу тебе... Нужно смотреть на жизнь более прагматично.

– Чего-чего?

– Прагматично... Практически, другими словами. Не мечтать о всякой чепухе, наподобие дурацкой куклы, а стремиться к чему-то необходимому в жизни. Нужному!

- А собаку можно?
- Какую собаку?
- Щенка немецкой овчарки.
- С ума сошла! А родители тебе разрешат держать собаку?
- Не знаю. Наверное, нет.
- Вот видишь. И потом, щенок очень дорогой, а монета твоя дырявая.
- Пускай дырявая. Ведь тебе она нужна.
- Мало ли... Все имеет свою цену. Щенок, надо думать, рублей двадцать стоит. И тебя вместе с ним из дома выгонят.
- Не выгонят!
- Ты сначала узнай: выгонят или не выгонят.
- Ну хорошо. Не нужно собаку. А что же ты предложишь?
- Давай так. Приходи завтра в школу пораньше. Сядем в классе и, пока никого нет, поменяемся.

На том они и порешили.

Весь вечер Наташа вертела монету перед глазами. Она разглядывала ее, нюхала и даже облизывала. Монета ничем не пахла, а на вкус еле заметно отдавала кислотой. Дошло до того, что Наташа закрылась в ванной, разделась догола и нацепила цацку. Ничего не произошло. Едва наметившиеся грудки больше почему-то не стали. В конце концов монета ей надоела.

«Что, интересно, Пушкарев за нее предложит? – размышляла девочка. – Дрянь какую-нибудь, наверное... Вот если бы...» В том, что Наташа подразумевала под «если бы», она и себе самой признаться стеснялась.

На следующее утро она пришла в школу очень рано. По коридорам с сонными лицами болтались редкие ученики. Наташа осторожно, словно собиралась сделать что-то неприличное, прокралась в класс, села на последнюю парту и стала ждать.

Прошло совсем немного времени, дверь скрипнула, и на пороге возник Пушкарев. Увидев ждущую Наташу, он подбежал к парте, уселся рядом, повернув к ней раскрасневшееся лицо (похоже, он бежал), и спросил:

- Принесла?
- Само собой, – отозвалась девочка и достала из портфеля заветный кругляш.
- Вова снова осмотрел монету, точно с ней за ночь могло что-то случиться.
- Норма, – веско произнес он. – Порядок.
- И что же ты дашь? – поинтересовалась Наташа.
- А вот что! – И он достал из папки небольшую, ярко раскрашенную картонную коробочку, на которой крупными буквами было написано «Fruit Gum».
- Это что же такое? – удивленно спросила Наташа.
- Американская жевательная резинка, – таинственным голосом сообщил Вова.
- Для чего она?
- Жевать. На вкус – как конфета. Только жевать можно долго.
- Полчаса?
- Ха! Полчаса, – засмеялся мальчик. – А целый день не хочешь?! А то и больше. И два дня можно, и три...
- Конфеты в магазине продаются, – с фальшивым равнодушием сказала Наташа.
- В магазине! Какие там конфеты?! Подушечки или драже лимонное.
- Леденцы еще...
- От леденцов зубы болят. А это американская жевательная резинка! Американская! Понимаешь?!
- Дай попробовать!

– Ну ты даешь! Попробовать! Это же невероятная редкость. Другой такой пачки, надо думать, в нашем городе и нету.

– А ты где взял?

– Маме в Москве один дипломат подарил. Из самой Америки привез. А она мне – на день рождения. Но я только одну пластинку сжевал.

– А всего их сколько?

– Пять.

– Ну хоть достань посмотреть.

Пушкарев извлек из пачки пластинку, завернутую в серебряную фольгу, и поднес к носу Наташи. Пахнуло чем-то сладко-фруктовым.

– Ну как? – спросил мальчик.

И Наташа решилась.

– Хорошо, давай меняться, – сказала она, подумала и добавила: – Только этого мало.

– Чего же ты еще хочешь? – изумился Пушкарев.

– Не бойся. Это не вещь.

– А что же?

Девочка покраснела.

– Ну же...

– Ты должен... э-э...

– Да говори наконец!

– Поцеловать меня.

– Ты чего, дура?!

– Сам дурак!

– Ничего себе! – на этот раз покраснел и мальчик.

– Ты же сказку Андерсена читал, – сказала Наташа. – Про свинопаса.

– Ну читал...

– Там принцесса тоже...

– ...Свинопаса целовала? Так это сам свинопас ей предложил... Как плату за горшочек, что ли.

– Ну так и ты предложи мне.

Пушкарев еще ни разу не целовался с девчонками. Он искоса взглянул на Самсонову. Только теперь Вова заметил, что Наташа – весьма привлекательная девочка. Русые волосы обрамляют круглое лицо, с которого светят большие серые глазки. Имеется также вздернутый нос и яркие, словно нарисованные на лице у куклы, пухлые губки.

– Сколько же раз я должен... э-э... тебя поцеловать? – прерывающимся, внезапно охрипшим голосом спросил он.

– Сто!

– С ума сошла!

– И закрой дверь на швабру.

В том и состоит смысл коллекционирования, что обладатель некоей редкости непременно стремится продемонстрировать ее собрату по увлечению. Как известно, женщины редко подвержены страсти к собирательству. То есть, конечно, они тоже коллекционируют драгоценности, наряды и мужчин, но это страсть другого порядка. Ни одна дама, скорее всего, не будет охать и ахать, когда перед ее носом станут потрясать ржавым замком невиданной конструкции или, того больше, древним кремневым пистолем, даже если из него убит великий поэт. Пистоль, ну и пистоль. И бог с ним.

Другое дело – сидящий в тиши сумрачного кабинета убежденный сединами муж, бережно накалывающий на булавку очередного жука-плавунца. Он подвижник и, одновременно, фана-

тик энтомологии, готовый за этого самого жука отдать последние штаны. Правда, коллекционеры более привычных вещей, например марок, монет или значков, ведут себя более последовательно. Обычно страсть к собирательству сочетается в них с коммерческой жилкой, выраженной у каждого по-разному, однако имеющейся практически у всех. Нужно также отметить, что коллекционеры разных отраслей и в жизни ведут себя по-разному, но в одной, свойственной данному виду манере. Скажем, филателисты многословны, любят размахивать руками, хихикать, потирать ручки и закатывать глаза. Нумизматы, напротив, молчаливы, вкрадчивы и цедят слова солидно и веско, что называется, через губу. Есть у них и свой особый язык, и словечки, понятные только посвященным. Скажем, «матрос» – это вовсе не представитель мореходной профессии, а «солнечный» – не характеристика погожего денька, а названия рублей, отчеканенных в Петровскую эпоху. Всех русских царей и цариц нумизматы величают исключительно по именам, очень часто уменьшительным. Анна, Лизавета, Павел, Санек, Николашка вылетают из их уст так же естественно, будто речь идет о двоюродной сестре или внучатом племяннике. При этом глаза у них светятся нездоровым, лихорадочным блеском. Такая уж это странная публика.

В Соцгороде тоже имелся представитель подобной разновидности двуногих. Звали его Мартын Мартынович Добрынин. Это был пожилой, сутуловатый, небольшого роста гражданин, седой и чрезвычайно близорукий. По этой причине он никогда не снимал очков в тяжелой, «под черепаху», оправе с мощными линзами. Своим обликом Мартын Мартынович напоминал пожилого крота из мультипликационной сказки про Дюймовочку.

Добрынин жил вместе с женой на Правом берегу, в двухкомнатной, бедно обставленной квартирке и очень любил принимать у себя мальчиков. Ни о каких сексуальных вывертах в ту эпоху и не слыхивали, и мальчики интересовали Добрынина совсем по другой причине. Дело в том, что многие ребяташки, такие, к примеру, как Вова Пушкарев, собирали всякую дрянь, в том числе и монеты. И, что удивительно, среди разного хлама в их коллекциях изредка попадались и весьма интересные экземпляры. Дети не знали истинной цены этим вещам и весьма охотно расставались с ними, особенно если Добрынин за одну нужную ему монету давал пяток, а то и десяток ненужных. Ребяташки также весьма охотно продавали монеты, естественно за бесценок. Так, например, в свое время Мартын Мартынович приобрел у одного малого тетрадрахму Александра Македонского за десять рублей в старом исчислении, а по-нынешнему всего за один рубль! Правда, случилось это в пятидесятые годы, когда вещи, привезенные из побежденной Германии, еще можно было встретить на рынках и толкучках. Истинной ценности монет почти никто не знал. Случалось, возмущенные родители, проведав о невыгодном обмене, произведенном собственным чадом, прибежали к Добрынину и гневно потрясали кулаками. Больше всего Мартын Мартынович опасался скандалов и привлечения к делу милиции. Некогда у него уже конфисковывали часть коллекции под видом «борьбы с космополитизмом». Хотя конфискованное и вернули, но пришлось платить отступные. Поэтому, во избежание конфликтов, он безропотно возвращал награбленное. Однако подобные недоразумения случались крайне редко. Чаще всего, получив за средневековый талер или петровский рубль горсть ничего не стоящих монеток, ребенок уходил довольный, а Мартын Мартынович, разглядывая новое приобретение, ласково улыбался в сивые усы. Все были счастливы!

Про Добрынина говорили: «Он собирает все!» И действительно, Мартын Мартынович, желая произвести впечатление на очередного гостя, кряхтя, вытаскивал откуда-то из недр квартиры тяжеленный ящик, в котором, как в улье в ячейках-сотах, лежали тысячи монет со всего мира.

– Попробуй, подними, – кивал он на ящик.

И когда мальчишка, пыхтя от натуги, отрывал ящик от стола, Добрынин довольно усмехался и бормотал:

– Молодец!

Бывал у Мартына Мартыновича и Вова Пушкарев. Пока что они не менялись. Нечем. Но Добрынин ласково приглашал заходить.

Несколько дней Вова крепился. Первое время он не мог налюбоваться своим приобретением. Веребочку, на которой монету носила на шее Наташа, он, конечно же, обрезал и с негодованием выбросил в помойное ведро. Вова носился с монетой как дурак с писаной торбой, демонстрировал ее родителям, однако те восторгов сына почему-то не разделяли. Отец еще повертел талер перед глазами, а мать вообще отмахнулась.

– Уроки бы лучше учил, – заметила она. – Учебный год вот-вот закончится, и у тебя выходит тройка по географии.

Насладившись своим приобретением по полной программе, Вова решил показать интересную монету настоящему специалисту, каковым и являлся Добрынин.

Мартын Мартынович встретил мальчика с неизменной улыбкой. Он так заинтересованно смотрел на него, что Вова прямо с порога полез в карман, достал монету и сунул ее под нос Добрынину.

– Ага, – сказал Мартын Мартынович, с интересом разглядывая приношение. – Кажется, талер. Ну пойдем в комнату, посмотрим на него повнимательнее.

Добрынин достал довольно большой кусок черного бархата, постелил его на стол, положил монету на бархат, извлек из ящика мощную лупу и включил лампу.

– Так, – произнес он, разглядывая монету. – Очень интересно. Никогда такой не видел.

– Это точно талер? – спросил Вова.

– Похоже. Но какой-то он странный. Нет ни гербов, ни названия государства, где эта монета была выпущена. То, что год чеканки отсутствует, понятно. Были времена, когда его не ставили. Но вот отсутствие имени правителя, а тем более названия страны, наводит на определенные мысли. Может, это вовсе и не монета...

– А что?

– Какой-то талисман. И дырка говорит о том же.

– А надписи? Какой это язык?

– Скорее всего, латынь. Мне кажется, какие-то изречения. Но моих знаний, чтобы понять их, недостаточно, Нужен словарь, а у меня его нет.

– Значит, это не талер, – удрученно произнес Вова. – А я думал...

– То, что это не талер, еще ни о чем не говорит, – успокаивающе произнес Мартын Мартынович. – Возможно, эта штука не менее ценна, чем монета. Во всяком случае, я готов ее у тебя выменять.

– А на что?

– Ну, естественно, на другие монеты.

– И что вы можете дать?

– Тебе выбирать.

Тут нужно отметить некоторую странность в поведении Добрынина. Никогда он не сообщал, тем более ребенку, о ценности интересующей его монеты, и уж тем более не предлагал выбирать замену самому.

– А посмотреть можно? – с некоторой робостью спросил Вова.

– Конечно! Сейчас я принесу.

Старик поспешно удалился, а Вова разглядывал лежавшую на бархате монету.

Талисман... Интересно, для чего он? Талисманы, кажется, должны приносить счастье. Может, не счастье, может, удачу? Хорошо бы, Добрынин дал за монету то, что он, Вова, пожелает...

Мартын Мартынович вернулся с ящиком и грохнул его о столешницу. В ящике явственно зазвенело.

– Что тебе показать? – спросил он у мальчика.

– Настоящие талеры.

– Пожалуйста.

Он вытащил из ящика металлическую кассету, в которой под пластиной из плексигласа тускло поблескивали крупные, судя по их состоянию, много повидавшие на своем веку серебряные монеты. Вова взял лупу и стал разглядывать древние сокровища. Перед ним замелькали причудливые гербы, господа в рыцарских доспехах, какие-то великаны, держащие в руках вырванные с корнем деревья, скачущие лошади... Средневековые ворвалось в наш будничнейший век.

– Вот эту покажите, пожалуйста.

На монете был изображен стоящий рыцарь, державший в руках какие-то палки.

– Бранденбург, – односложно сообщил Добрынин. – Талер. 1659 год.

– Можно ее?

Старик кивнул.

На следующей монете, привлечшей внимание Вовы, присутствовал усатый господин весьма воинственной наружности. Вова молча ткнул в нее пальцем.

– Валленштейн, – произнес старик. – Знаменитый полководец времен Тридцатилетней войны. Весьма редкая монета. Выпущена в герцогстве Мекленбург, где он правил некоторое время.

– Можно?

Вновь однозначный кивок.

– А эта?

– Польша. Сигизмунд Третий. Тоже талер.

Пушкарев взглянул на изображенного на монете старца, похожего на сказочного Кощея с остроконечной бородкой, упирающейся в высокий гофрированный воротник, и уже без слов придвинул монету к первым двум.

Кучка отобранных талеров понемногу росла. Еще были выбраны Бавария, Тироль и Вюртемберг. Последняя за свои размеры.

– Два талера, – прокомментировал Добрынин.

«Что я делаю?! – мысленно ужасался Вова. – И почему он меня не остановит?!» Он прекрасно понимал: один этот громадный Вюртемберг стоит гораздо дороже его дырявой монетки, но жадность и безнаказанность возобладали. К кучке, уже весьма солидной, прибавились Испания, Венеция и Брабант.

– А теперь хотелось бы что-нибудь русское, – нагло заявил Пушкарев. – Петра Первого, например.

Он получил два прекрасных рубля 1721-го и 1724 годов, прихватил еще и Екатерину Первую с растрепанной прической, и только тут нашел в себе силы остановиться. Мартын Мартынович сидел с застывшим лицом. Глаза его сверкали стеклянным блеском.

– Кажется, все, – сообщил Вова.

Он аккуратно записал в блокнот названия своих новых приобретений и поднялся. Мальчик понимал: пожелай он, Добрынин отдаст ему весь свой ящик, но совесть все-таки возоблудала. Вова растолкал по сразу же отвисшим карманам свои новые приобретения, затянул ремень потуже и покинул логово гостеприимного Мартына Мартыновича. Душа его пела.

После ухода мальчика Добрынин некоторое время продолжал сидеть за столом, обхватив голову руками и тупо уставясь на лежащую перед ним дырявую монету. Потом он глухо зарыдал.

– Что с тобой, Мартышка? – всполошилась прибежавшая на жалобные стенания жена.

– Пошла прочь, дура! – заорал обычно невозмутимый Добрынин и швырнул в нее дырявой монетой.

Он никак не мог понять: что же произошло? Как он, съевший собаку на обмане малолетних несмышленишей, мог вывалить этому сопляку количество, раз в пятьдесят превышающее по стоимости несчастную дребедень, которую даже монетой-то считать нельзя. Почему такое случилось?

– Не иначе гипноз, – вслух произнес он. – Мальчишка загипнотизировал меня. И все же, все же...

Он порыскал глазами по полу, нашел дырявый кругляш, подобрал его и вновь положил на бархат. Любопытство взяло верх над тяжестью потери. Он стал разглядывать надписи. Над звездой шло следующее изречение:

Ego te intus et in cute novi.¹

«Его», кажется, значит «я». «Те» – тебя. Я тебя... А дальше? Придется идти в библиотеку. Стоп! Похоже, над лучами звезды можно различить какие-то знаки. Лупа слишком слабая. Нужна как у часовщиков».

Мартын Мартынович порылся в ящике стола и извлек обруч с увеличительным стеклом. Он надел его на лоб и взгляделся. Внизу, под звездой, тоже было выбито латинское слово:

Exequatur.²

– «Экзекуатур», – вслух произнес Мартын Мартынович. – Экзекуатур, экзекуатур...

Слово явно что-то напоминало. Конечно же, экзекуция! Именно, экзекуция. Наказание! Он сейчас и подвергся такому наказанию. За что? Ну конечно же! За многочисленные обманы. Ведь он беззастенчиво дурил ребятешек. И ради чего? Ради наживы, которую и наживой-то считать нельзя.

Мартын Мартынович обвел глазами комнату. Он увидел голый, крашенный суриком пол, убогий шкаф, который давным-давно следовало бы выбросить, древний диван, обитый потрескавшимся дерматином, матерчатый абажур под потолком. Убожество!

Все его заработки, а теперь пенсия, уходят на приобретение монет. А в квартире шаром покати! А ведь если продать хотя бы половину коллекции, можно прожить остаток отпущенных ему дней, ни в чем себе не отказывая.

Размышляя подобным образом, Мартын Мартынович уставился через окуляр на поверхность монеты. Вначале он увидел только многочисленные царапины и щербины, ему показалось, будто он видит едва заметные значки, процарапанные над вершинами лучей звезды. Он присмотрелся. Так и есть. Буквы! Даже не буквы, а нечто похожее на руны. Но, несомненно, латинский шрифт. Кажется, «п»... Дальше «а». Потом «т»... Или это крестик? Нет, все-таки «т». Только перекладина не на самом верху, а чуть ниже. Дальше опять «а». В этом нет сомнения. Теперь следующая литера. Напоминает стилизованную молнию. Такие значки имелись на петлицах эсэсовцев – «SS»! Мартын Мартынович пережил оккупацию и хорошо помнил их щеголеватую черную униформу! Следовательно, это «s».

Что получилось? «Natas». Что это за «natas» такой? Опять латынь? Жаль, что под рукой нет словаря. «Natas»... А может, вовсе и не «natas»? Ведь он не знает, с какого луча начинается слово. Логично предположить, что с верхнего. Тогда никакой не «natas», а «satan». «Satan»!.. Сатана!

¹ Ego te intus et in cute novi (лат.). – Вижу тебя насквозь.

² Exequatur (лат.). – Пусть исполнится.

4

Слухи и домыслы о событиях, произошедших в доме № 2 по улице Красных Галстуков, довольно быстро распространились по окрестностям. Достигли они и ушей Сергея Александровича Севастьянова – профессора местного педагогического института, который, кстати, находился неподалеку.

Нужно заметить, Сергей Александрович весьма интересовался подобными вещами. Да что там интересовался! Лучше сказать: увлекался до самозабвения. Дело в том, что кандидат наук Севастьянов преподавал на физико-математическом факультете и был сугубым материалистом, членом партии и ни в какую чертовщину не верил, однако, как и у многих людей науки, у него имелся свой пунктик – всякого рода таинственные события он стремился объяснить исключительно с рациональной стороны, то есть либо проявлениями природных сил, либо намеренными действиями человека. Сергей Александрович являлся деятельнейшим членом общества «Знание», читал лекции, занимался общественной деятельностью и был на хорошем счету в горкоме партии. Кстати сказать, будучи активным безбожником, он вел серьезную антирелигиозную пропаганду и, если так можно выразиться, «нес в темные массы свечу знаний».

Приведем наиболее яркий пример его богоборческой деятельности. А случилось все так. Неподалеку от Соцгорода, на Правом берегу, располагались остатки казачьей станицы. Станица называлась Железной, как и гора, напротив которой она находилась. Некогда Железная, заложенная в эпоху Елизаветы Петровны и пережившая пугачевский бунт и Гражданскую войну, была большой и шумной, гремела в округе своими ярмарками, но к началу тридцатых годов стала невольной жертвой индустриализации. Громадному заводу и строившемуся при нем городу требовалась вода. Много воды! Реку, на берегу которой стояла Железная, перегородили двумя плотинами. Участь станицы оказалась незавидной. В результате затопления она на три четверти ушла под воду. Понятное дело, часть домов была перенесена на Левый берег, часть раскатана и поднята выше, но станица, неизбежно просуществовавшая почти двести лет, в одночасье превратилась даже не в поселок, а в захудалую деревеньку. И название у нее изменилось. Ее стали пренебрежительно именовать Старой Железкой. Положение дел несколько поправило строительство в Старой Железке психиатрической больницы. Отдельные жители бывшей станицы, особенно представительницы женской части ее населения, стали нянечками, санитарками, а некоторые и сестрами. Больница поддержала умирающий поселок, вдохнула в него новую жизнь, пускай и «с сумасшедшинкой», но все-таки жизнь.

В пятидесятые годы в Старой Железке случилось «чудо». Неподалеку от поселка забил святой ключ. В степи, особенно возле реки, встречалось довольно много родников, но этот ключ появился в таком месте, где отродясь не имелось выходов подземных вод. К тому же возле святого ключа была обнаружена старая, почерневшая икона Богородицы. К источнику потянулся народ, в основном пожилые люди. Прошел слух: мол, вода в нем чудотворная. Кого-то она излечила от артрита, кому-то помогла при мочекаменной болезни. Верующие, и не только из поселка, но и из Соцгорода, приезжали к источнику, молились возле него, набирали воду в разные емкости вплоть до ведер и растаскивали по окрестностям. В довершение событий, настоятель в ту пору единственной городской церкви, отец Иоанн, примчался к источнику и освятил его. А это уже в глазах городского руководства стало чрезвычайным происшествием. Возле источника на скорую руку воздвигли крошечную часовенку, в которой водрузили найденную икону. И снова имело место чудо. Из глаз Пресвятой Девы вдруг покатались натуральные слезы, но не водяные, а из пахучего мира.

Однако, прежде чем начать репрессии, «компетентные органы» подключили к расследованию всех этих сверхъестественных явлений науку, а именно упоминавшегося выше товарища Севастьянова, тогда совсем еще молодого аспиранта. Очень скоро в местной газете «Соц-

городской рабочий» был опубликован фельетон за подписью «Скородило» под названием «В ожидании «чудес», в котором высмеивалось происходящее возле «святого» источника. Следом появилась уже научно-популярная статья непосредственно Севастьянова, растолковывавшего населению, почему вдруг, ни с того ни с сего, в степи забил ключ и откуда на иконе взялись слезы. Ключ явился результатом прошедшего в окрестностях Старой Железки сильного ливня, а слезоточивость иконы произошла из-за микроскопических полостей в старом дереве, куда с помощью обычного шприца было закачано миро. Все оказалось очень просто. «Доверчивые граждане стали жертвами самого обычного жульничества, которое процветает в недрах православной церкви» – такими словами заканчивалась статья.

Результатом газетных выступлений явилось лишение отца Иоанна священнического сана; источник скоренько засыпали, пригнав несколько самосвалов с землей; а в отделе пропаганды и агитации горкома КПСС прошло совещание под названием «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения в городе». Сергей Александрович вскоре стал кандидатом наук, а храм закрыли ввиду отсутствия настоятеля.

С тех пор прошло много лет, однако Сергей Александрович Севастьянов так и остался главным борцом с религиозным мракобесием в Соцгороде. Он, например, разоблачил юродивую Марфушу, известную своими прорицаниями. Марфушу отправили в «Старую Железку» (так в народе именовали психиатрическую больницу). На страницах все той же городской газетки он заклеил главу баптистской общины Еремея Сковороду как растлителя несовершеннолетних. В результате было заведено уголовное дело и Еремей загремел в места не столь отдаленные. Перечислять «подвиги» Севастьянова можно было бы долго. Но одного было не отнять у Сергея Александровича. Исследователем он оказался весьма кропотливым, цепким, вникал в каждый даже малозначительный фактик, справедливо считая, что в серьезном деле мелочей не бывает.

Был Севастьянов невысок ростом, весьма плотен. Имел небольшую лысинку и нос уточкой. Довольно приличных размеров живот выпячивал вперед. А на окружающих взирал строго и как бы с подозрением. Так не очень умные люди стараются придать своей персоне как можно более значительный вид.

И вот Севастьянов узнал о событиях на улице Красных Галстуков. А случилось это так.

– Сергей Александрович, вы в курсе, что творится в нашем районе? – как-то спросила его коллега по кафедре Анастасия Степановна Лыкова. – Между прочим, по вашей части.

– А что именно творится? – заинтересовался Севастьянов.

Дама вкратце сообщила о том, что читатель уже знает.

– Говорите, шкаф прыгал?.. – со смешком переспросил Севастьянов. – И посуда летала?

Невероятно! Сами-то вы это видели?

– Нет, не видела. Но соседи в один голос твердят...

– Ах соседи! А они-то сами присутствовали при сих делах?

– Присутствовали.

– Интересно... Очень интересно! И кто проживает в заколдованной квартире?

– Одна пенсионерка.

– Вы ее знаете?

– Видела пару раз.

– И какое впечатление производит? Богомолка?

– Я бы не сказала. Обычная тетка, каких полно. Мужа потеряла в войну. Работала всю жизнь...

– То есть вы хотите сказать, она не могла все это подстроить?

– Какое там! Зачем ей это?

– Ну мало ли... Может, прославиться захотела. Или секту какую создать. Люди разные бывают. Как говорится, в тихом омуте черти водятся.

– Маловероятно. Да и как она могла подстроить подобное?

– А люди что говорят?

– Одни про нечистую силу толкуют. Другие – про электрические поля... И то обстоятельство, что дом старой постройки, вспоминают.

– А вы сами как объясняете?

– Не знаю я, – твердо заявила Анастасия Степановна. – И так и этак размышляла. Ничего толком не вырисовывается. Поэтому к вам и обратилась. Вы же у нас специалист по подобным вещам.

Сергей Александрович не заметил скрытой иронии, прозвучавшей в словах Лыковой. Он думал.

– Случаев полтергейста в нашем городе до сих пор не зафиксировано, – наконец изрек Севастьянов.

– Чего-чего?

– Полтергейста! Полтергейст на немецком – шумный дух. Так за рубежом называется явление, о котором вы сейчас рассказали.

Поскольку Севастьянов был проверенным товарищем и истинным коммунистом, да к тому же активным членом общества «Знание», то он имел доступ к некоторым иностранным изданиям, которые читал в оригинале. Поэтому он знал, о чем говорит.

– Однако мне рассказывала одна старушка, – продолжил он свою «лекцию», – что в тридцатых годах нечто подобное имело место в бараке на Пятом участке.

– Что вы говорите? – удивилась Анастасия Степановна.

– Да. Правда, это непроверенный факт.

– И чем дело кончилось?

– Времена тогда были суровые. Вмешался НКВД. Семейство, где происходили чудеса, арестовали... И все прекратилось.

– А семейство? С ними-то что случилось?

– Бог знает. Это не важно. Нужно разобраться с нынешним случаем. Где, говорите, живет эта тетка?

– В доме № 2 по улице Красных Галстуков. Только ее сейчас в квартире нет.

– А где же она?

– Перебралась к дочери на Правый берег, от греха подальше. Пока, говорит, квартиру не освятит поп, ноги моей в ней не будет!

– Вот! А вы утверждаете, что она не религиозна!

– Я ничего не утверждаю. Я просто рассказала вам об имевшем место случае в соседнем доме.

– Ага. Давно это случилось?

– Позавчера. На Родительский...

– Это в День поминовения усопших. – Севастьянов на минуту задумался. – Тогда понятно! – изрек он.

– Что вам понятно?

– Побывала эта тетка на кладбище. Надо думать, поддала... Ну и решила устроить маленькую мистификацию.

– Ничего себе маленькую! Там же, в квартире то есть, все перевернуто. Да и каким образом она смогла заставить летать ножи и вилки?

– Швыряла, должно быть.

– Они парили в воздухе.

– А вы видели?

– Еще раз повторяю, нет! Но мне рассказывал очевидец. Человек, которому я полностью доверяю.

– Хм... Придется сходить туда и попробовать разобраться.

Когда Сергей Александрович, используя «окно» между лекциями и практическими занятиями, явился в дом № 2 по улице Красных Галстуков, на недавние события там ничего не указывало. Погода стояла теплая и солнечная. Деревья уже распустились, и только что появившиеся листики радовали глаз своей яркой зеленью. Перед домом в прошлогоднем песке копался одинокий неухоженный малыш, сопли которого свисали аж до подбородка. В деревянной беседке дремал подвыпивший молодец, а у подъезда на скамейке сидели две престарелые гражданки и тихо о чем-то беседовали. Севастьянов присел напротив и взглянул на теток. Те оглядели его, казалось, с некоторым подозрением.

– Хотел потолковать с вами, мамыши, – после приветствия сообщил Сергей Александрович.

– Потолковать? О чем это? – спросила та, что была постарше.

– А о том, что тут у вас случилось.

– А вы, извиняюсь, кто таков будете? – продолжала гражданка. – Из милиции, что ли?

– Нет, не из милиции.

– Из газеты?

– И не оттуда.

– Тогда, мужчина, мне непонятно, с какой стати мы с вами должны толковать?

– Я – профессор из педагогического института, – заявил Севастьянов.

– Профессор?... – с недоверием переспросила женщина. – А доказать можете?

Сергей Александрович извлек служебное удостоверение и протянул недоверчивой гражданке.

– Ага, так... Севастьянов... профессор кафедры прикладной физики... – Она с уважением посмотрела на Сергея Александровича. – Изучать нас пришли, профессор?

– Не вас именно, а просто хотел поподробнее узнать, что здесь случилось?

– Это у Дуськи-то, – сразу поняла, о чем идет речь, словоохотливая гражданка. – Могу рассказать... Своими глазами зрела... И не я одна. Вот, Клава тоже наблюдала...

Вторая женщина молча кивнула.

И первая стала повествовать о событиях, с историей которых Севастьянов уже в общем-то был знаком. Однако из речей словоохотливой гражданки вырисовывалась значительно более живописная картина. Столовые приборы: ложки, ножи, вилки, а кроме них еще тарелки, кастрюли и сковороды порхали не только на кухне, но и в комнате. Мебель вообще творила чудеса. Кровать поднялась в воздух и кружилась по квартире наподобие вертолета. Шкаф бился о потолок.

Севастьянов с интересом выслушал неизвестные для себя подробности происшествия, потом спросил:

– А сейчас в той квартире что происходит?

– Сейчас? А чего сейчас? – Женщины переглянулись. – Ничего там не происходит. Как Дуська оттуда удрала, все и успокоилось. Родня ее приходила. Дочка с мужем. Порядок там навели. И на этом все кончилось. Вновь в нашем доме тишина.

– А какова, по-вашему, причина?

– Это событий, что ли? Причина... – Женщины опять переглянулись.

– У меня такое мнение, – заговорила та, которая доселе молчала. – Дом-то наш где построен?

– А где?

– Да на могилках!

– Чего ты такое говоришь, Клава? – воскликнула словоохотливая гражданка. – Какие тут могут быть могилки?

– Уж не знаю, какие. Только они имелись.

– Дом этот построен в начале тридцатых, а до этого здесь была голая степь, – не сдавалась словоохотливая.

– А тебе-то откуда знать? – спросила Клава. – Ты сюда после войны вселилась. Я же помню. В сорок седьмом или в сорок восьмом... А я на его строительстве работала. И не только его. Всей этой улицы Красных Галстуков. Не спорю, степь тут была голимая. А это место возвышенное. С него все окрест видно было. И город, и завод... Так вот, как начали котлован под дом копать, кости из земли и полезли.

– Чьи кости? – спросила словоохотливая.

– Бог знает. Одни говорили: тут киргизы своих хоронили, другие: мол, в Гражданскую тут побитых закопали. Темное дело.

– И много костей выкопали?

– Да не так чтобы очень. Но кости точно человечески.

– И чего из этого выходит?

– А того! День-то какой тогда был? Родительский! Вот они, мертвяки эти, и дали о себе знать. Неприкаянные лежать. Никто о них не помнит. Кто они такие, чего... Вот и напомнили.

– А я думаю: никакие это не мертвецы, – заявила словоохотливая. – Просто дом наш повело. Весна. Земля оттаивает. Вот стены и гуляют.

– Гуляют! Ну ты даешь, Степанида! Чего ж они раньше не гуляли? Ты хоть одну трещинку видела? Нет их и не может быть. Тогда строили на века. Тридцать пять лет дом простоял. Разве это срок?! Да и построена улица, считай, на скале. Земля оттаивает... Чепуха.

– Если это мертвецы, то почему только у Дуськи в квартире колобродят? – не сдавалась словоохотливая Степанида.

– Вот уж не знаю. У нее спросить надоть.

– Скажите, в вашем доме имеется подвал? – прервал полемику Севастьянов.

– А как же! Имеется, само собой. Только в нем, кроме старого хлама и мышей, ничего нет.

– Может, вода просочилась?

Но обе гражданки замахали на него руками.

– Никакой там воды нет, – веско заявила Клава. – Ни воды, ни трещин... Все в целости стоит.

– А в квартиру этой Дуси... Как, кстати, ее фамилия?

– Копытина, – в один голос ответствовали соседки.

– В квартиру гражданки Копытиной как можно попасть? На предмет ее осмотра... – обратился к словоохотливой гражданке Севастьянов.

– В квартиру-то Дуськину?... Да как же без хозяйки?

– Да где же ее искать?

– У дочки она нынче живет. Сюда, говорит, нога моя не ступит, пока поп не явится и не освятит помещение. У дочки, конечно, жить можно. В двухкомнатной-то квартирке.

– И где же эта дочь проживает?

– На Правом. Хотите узнать адрес? Да ради бога.

И словоохотливая Степанида тут же выдала координаты нынешнего места обитания хозяйки квартиры, в которой творились странные вещи, словно бывала там каждый день. Оно оказалось совсем рядом с домом, в котором проживал Севастьянов. Как уже отмечалось, Сергей Александрович отличался чрезвычайной цепкостью в своей исследовательской деятельности. И он решил немедленно продолжить изыскания. «Заодно и пообедаю дома», – мысленно решил он, взглянув на часы. До начала практикума оставалось порядочно времени.

Прощаясь с соседками Дуси Копытиной, профессор сообщил им, что еще появится здесь, возможно даже сегодня, и пошел к остановке трамвая. В вагоне он удобно расположился в одинарном креслице и принялся равнодушно таращиться в окно на знакомые до мелочей виды. Ничего интересного не наблюдалось. Трамвай спустился с горы и покатил вдоль усеянного

лачугами склона Карадырского хребта. По другую сторону полотна тянулась однообразная бетонная стена, отгораживавшая завод от остального города.

Сейчас, в спокойной обстановке полупустого вагона, он анализировал рассуждения соседок Копытиной и выделил главное. Нигде, кроме ее квартиры, странных событий не происходило. Значит, ни о каких физических явлениях, типа просадки фундамента дома или деформации его стен, речи идти не могло. Но и о влиянии на происходившее неких потусторонних сил тоже рассуждать не приходилось. Если эти неприкаянные мертвецы (тут Севастьянов невольно рассмеялся вслух, обратив на себя внимание пассажиров трамвая) решили о себе напомнить, то почему именно этой самой Дусе? Значит? Значит, все это подстроила сама Копытина. Но зачем?! Вот на этот вопрос и предстояло ответить. В голове Сергея Александровича уже стали оформляться наметки еще не сформировавшегося фельетона. Севастьянов чувствовал: фельетон должен получиться отменным.

Он довольно быстро нашел нужный дом, а потом и квартиру. На его звонки долго никто не открывал, наконец за дверь послышалось старческое шарканье.

- Кто там? – услышал Сергей Александрович.
- Профессор Севастьянов, – назвался он.
- Какой еще профессор?! Никого нет дома. Уходите...
- Я по делу.
- По какому еще делу?! Ничего не знаю. Нету никого.
- Откройте, я все объясню.
- Не надо мне твоих объяснений. Убирайся, откуда пришел.

Севастьянов топтался на месте, не зная, что предпринять дальше. Он понимал: открывать ему не собираются, однако и уходить, не пообщавшись с Дусей, он не желал.

- Ваша фамилия Копытина? – пытаясь нащупать нужный тон, продолжал взывать он.
- За дверь молчали, однако он чувствовал: Дуся стоит и слушает.
- Ну откройте же!

И вновь тишина.

- Дяденька, вам чего здесь надо? – услышал он за спиной девчоночий голосок.

Сергей Александрович поспешно обернулся. Перед ним стояло круглолицее, курносое существо лет двенадцати и с любопытством взирало на него.

- Я хотел поговорить с твоей бабушкой, – сообщил Севастьянов.
- О чем?
- О том, что произошло у нее в квартире.
- А вы кто? Из газеты?
- Нет, я профессор... Из педагогического института... Интересуюсь подобными вопросами.

- О! Профессор! Ну тогда конечно.

– Ты, Наташенька, документики у него проверь, – послышалось из-за двери. – А то мало ли кто по подъездам шастает. Может, он ворюга какой...

– Конечно-конечно... – Севастьянов достал из внутреннего кармана пиджака красненькую книжечку и протянул девочке.

- Точно профессор, баба, – сообщила Наташа.

За дверь вновь молчали.

Девочка достала ключ, щелкнул английский замок...

- Проходите, – предложила Наташа.

На пороге стояла невысокая старуха в застиранном халате. Седая голова ее была включена, поросычьи глазки грозно поблескивали, на лице написана угроза.

- Чего надо? – сердито спросила она.

«С такой нужно держаться вежливо и как можно солиднее», – соображал Севастьянов. Поэтому он, хотя и был со старухой одного роста, взглянул на нее свысока и веско произнес:

– Уважаемая Евдокия... Извините, не знаю, как вас по отчеству...

– Васильевна, – буркнула Дуся.

– Уважаемая Евдокия Васильевна. Я уполномочен городским обществом «Знание» разобратся в событиях, произошедших в вашей квартире.

Дуся искоса посмотрела на неожиданного посетителя. Видимо, портфель, шляпа, а главное, выдающийся вперед солидный животик произвели на нее некоторое впечатление.

– Ладно, – наконец сказала она. – Можно и поговорить. А вы и вправду профессор?

Севастьянов сунул ей под нос удостоверение.

– Верю, верю... Идемте в залу, там и потолкуем.

Они вошли в стандартно обставленную комнату с диваном-кроватью, двумя хлипкими креслицами и высоким торшером на тонкой ножке. Одну из стен украшал ковер зубодробительных оттенков. Имелся тут и телевизор марки «Рубин». Дуся указала на одно из кресел, сама же опустилась на диван-кровать, Наташа устроилась рядом.

– Так вы, значит, хотите узнать про то, как у меня в доме обстановка колобродила?

– Именно так.

– Ну так задавайте ваши вопросы.

Севастьянов достал из портфеля объемистый блокнот, снял колпачок с авторучки и приготовился записывать.

– Итак, с чего все началось?

Старуха принялась рассказывать о происшествии. Излагать свои мысли связно она толком не умела, а возможно, просто растерялась. Поэтому перескакивала с одного на другое, то забегала вперед, то возвращалась назад. В общем, Сергей Александрович ничего для себя нового не узнал. Более того, он понял: Дуся вряд ли могла самостоятельно инсценировать произошедшие в ее доме события.

– Скажите, как вы думаете, почему это все случилось именно у вас? – спросил Севастьянов.

– Сама не знаю... Думала, думала... И так, и сяк прикидывала... Не пойму. Раньше ничего подобного не наблюдалось. Ну на кладбище была... Поминала отца с матерью. Все – чин по чину. За упокой мужа, на фронте убитого, хоть он и не здесь схоронен, тоже выпила. Вроде никого не забыла... Но, видать, кого-то все же пропустила. Вот он мне и нагадил.

– И кто же это, по-вашему, мог быть?

– Ей-богу, не знаю!

– Ну хорошо. А можно мне осмотреть вашу квартиру?

– Как это?

– Внутри побывать. Поглядеть: что там да как?

– Да ничего интересного там нет. Дочка все прибрала.

– Хотелось бы все-таки посмотреть.

– Пока батюшка стены святой водой не окропит, я туда ни ногой! Мало ли... Возможно, эта нечисть только затаилась...

– Но ведь с дочерью вашей ничего не случилось.

– Она с Мишкой ездила... С мужиком со своим. А мужика он, должно быть, боится.

– Да кто боится?

– Нечистый дух. Табачищем от Мишки разит, а нечисть табачного духа не переносит.

Это точно.

– Как же быть?

– Это на предмет поглядеть? Ладно. Наташа, – обратилась она к внучке, – своди профессора ко мне на квартиру.

- Поехали, – охотно согласилась девочка.
- Прямо сейчас?
- Конечно.

Донельзя обрадованный Сергей Александрович любезно попрощался с Дусей, выразил надежду, что они еще увидятся, и поспешил на улицу, весело, как школьник, размахивая портфелем. Дорогой он и Наташа почти не разговаривали, и только когда девочка отворила дверь Дусиной квартиры, Севастьянов, осененный внезапной догадкой, спросил ее:

- А во время... этого самого ты здесь присутствовала?
 - Ну да.
 - Все видела?
 - Естественно.
 - И кто это все натворил?
 - Не знаю точно.
 - А какие-нибудь предположения у тебя имеются?
 - Само собой.
 - И какие же?
 - Мне кажется, это я всему причиной.
 - То есть как?!
 - Мы когда с бабушкой вернулись с кладбища, она сразу спать улеглась, поскольку выпивши была. Ну а мне скучно... Я ходила по квартире... ходила, ходила, а потом...
 - Что потом?
 - Захотела плохого.
 - Плохого?!
 - Ну да.
 - Как же это понимать?
 - Не знаю, как объяснить... Я как бы пожелала, чтобы это сонное царство немного... как сказать... немного ожило, что ли. В движение пришло. Ну оно и пришло.
 - А каким образом это у тебя получилось?
 - Вот не знаю. Захотела, и получилось.
 - Ты что-то подобное и раньше проделывала?
 - Только мысленно.
- Севастьянов во все глаза взирал на Наташу.
- Объясни, как это тебе удастся?
 - Не удастся, а один раз удалось. Больше не получалось.
 - Но как?!
 - Не знаю. Получилось, и все.
 - Врешь, наверное.
 - Зачем мне врать? – Наташа как будто обиделась.
 - Ну... Возможно, прославиться хочешь.
 - Вот уж нет...

Севастьянов не знал, что и подумать. Слова девочки звучали в высшей степени фантастично. Как понимать это «захотела»? Телекинез? В западных журналах он встречал информацию о подобных случаях. Но у нас?.. Хотя и в Советском Союзе имелись люди, владеющие такими способностями. Например, Нелли Кулешова. Он читал о ней в журнале «Наука и жизнь». Но способности Кулешовой изучают физики и психиатры. Ее исследуют в специальном научном центре, а здесь... И потом, девочка утверждает: получилось всего лишь раз... Но это практически невозможно. Как это так: способностей к телекинезу не имелось, а потом они вдруг появились! И снова исчезли. Чепуха!

Не желая больше продолжать этот странный разговор, он занялся осмотром квартиры, но ничего интересного не обнаружил. Было заметно: тут действительно что-то происходило. Уборка произведена наспех, следы недавнего разгрома лезут в глаза. Мебель хотя и поставлена на свои места, но следы от ножек не совпадают с их нынешним положением. То же самое и со столовыми приборами. Одна ложка валяется под батареей, другая закатилась под кровать. На полу ножками шкафа и кровати содрана краска.

– А я знаю, отчего это все получилось, – вдруг заявила доселе молчавшая Наташа.

– Интересно послушать, – вскинул на нее взгляд Севастьянов.

– Я на кладбище нашла монету... Старинную...

– И что же?

– Вот она, монета эта, все и устроила.

– Каким же образом?

– Наверное, она волшебная.

Севастьянов усмехнулся.

– И где же эта монета? – улыбаясь, спросил он. – Покажи?

– Я ее променяла, – сообщила Наташа.

– Променила... Зачем же, если эта монета может творить чудеса?

– Я, когда меняла, не знала, что может. Это теперь до меня дошло.

– Кому же ты ее променяла?.. И на что?..

– На жевательную резинку. Хорошая резинка, между прочим. Целый день жуешь, а она вкуса не теряет.

– А равноценным ли был обмен? – все так же улыбаясь, поинтересовался Севастьянов.

– Теперь мне кажется, что нет. Хотя...

– Что «хотя»?

– Мне кажется, эта монета может творить только плохие дела.

– Плохие?

– Ну да.

– Почему же?

– Я не сумею правильно объяснить, только мне так кажется.

5

Мартын Мартынович Добрынин недолго рвал на своей плешивой головенке остатки волос. Постепенно он стал осознавать, что обмен-то как раз не так уж и плох. Во-первых, до сих пор ничего подобного этой монете он за свою жизнь не встречал. А ведь через его руки прошло их немало. Во-вторых, была в этом дырявом серебряном кругляке некая притягательность, даже тайна, которая заставляла часами не спускать с него глаз. Такого чувства Мартын Мартынович не испытывал с самого детства, когда к нему попала первая монета – тяжелый латунный сестерций Веспасиана. Он разглядывал тяжелый профиль, мощную челюсть, гневный взгляд и представлял грозного императора, у ног которого лежало полмира. Возможно, эта была одна из тех монет, которые Веспасиан, в ответ на упреки своего сына Тита за сбор налога с общественных уборных, сунул ему под нос и спросил: пахнут ли они? Тит отвечал отрицательно. «А ведь это деньги из уборной», – сказал император. На другой стороне монеты можно было различить стоявшего под пальмой человека, опиравшегося на копьё, и разобрать надпись «Iudea». Из книжек следовало: Веспасиан покорил эту самую Иудею, а побежденных евреев разогнал по всему тогдашнему миру.

Монету подарил Мартыну отец, который подобрал ее в каком-то брошенном особняке. Это случилось вскоре после Гражданской войны, и жили они тогда в Ростове. Римская монета определила весь дальнейший жизненный путь Мартына Мартыновича. После школы он поступил на исторический факультет Ростовского университета, потом, по окончании, преподавал историю в школах и техникумах. В Соцгород Добрынин попал во время войны, будучи эвакуированным в эти края. Монеты Мартын Мартынович собирал всю жизнь. Однако имелась у него и другая, можно сказать, тайная страсть. Он очень любил женщин! Любил, но взирал на объект своих вожделений исключительно со стороны, вначале страхась гнева жены, а потом уже по привычке.

Женился Мартын Добрынин очень рано, еще на первом курсе университета, кстати сказать, тоже на студентке, но биологического факультета. Красавицей его Марусю даже в молодости назвать было нельзя, однако Добрынин довольно долго считал ее таковой. На хорошенькую Марусю тянула, хотя и с натягом. Она обладала стройной фигуркой, волнистыми волосами, черными, как угольки, глазами, а лицо можно было бы назвать приятным, если бы не постоянно присутствующее на нем плаксивое выражение, весьма портившее его. К другим девицам Маруся начала ревновать своего Мартына буквально с первого дня их знакомства. Следствием ревности являлись грандиозные скандалы, которые закатывала жена. Темпераментом хохлушку Марусю бог не обидел, и в курсе предполагаемых интимных дел Мартына была вся улица.

– Посмотрите на этого деятеля! – во всю свою глотку орала Маруся. – Опять он пялился на эту паршивую Тамарку. А на что там смотреть? Ни рожи ни кожи! Одна задница – как комод! Ну ничего. Глаза ей выцарапаю, мерзавке, тогда узнает, зараза, как чужих мужей отбивать.

Как ни странно, родители Мартына смотрели на невестку с симпатией, а вопли ее даже одобряли.

– Долбай его, Маруська, в хвост и в гриву, – подзуживал невестку отец. – Любить крепче будет.

Однако в такие минуты Мартын не только не любил свою суженую. Он ее просто ненавидел. Ненавидел до тошноты, до колик в печени...

С годами мощь голосовых связок Марии Степановны несколько ослабела, однако реагировать на взгляды Мартына Мартыновича, случайно (а может, и нет) брошенные в сторону малознакомых дам, она не перестала. Только теперь шипела, как рассерженная кошка. Нужно отметить, к иным увлечениям своего муженька она относилась вполне терпимо. Тот факт, что

Добрынин тратил на монеты большую часть своей зарплаты, ее нисколько не смущал. Пускай себе коллекционирует хоть жареных собак, рассуждала она, лишь бы за бабами не бегал.

Детей у них не имелось.

С годами Мартын Мартынович на женщин поглядывал меньше, но думать о них не перестал.

Мария Степановна к той поре превратилась в неряшливую, небрежно одетую особу неопределенных лет. Почти все ее время занимала заготовка запасов на зиму. Большую часть лета она проводила на садовом участке, который содержала в образцовом порядке. Первая клубника, или, как именовала ее мадам Добрынина, «виктория», шла на варенье. Часть же урожая реализовывалась возле магазина или на рынке. Потом наступала очередь малины, смородины, крыжовника... Не было такого фрукта или овоща, который не шел бы в дело. Варенье готовилось даже из лепестков роз, вернее шиповника, а также из моркови. Кроме того, Мария Степановна производила джемы, повидло, пастилу, сиропы, компоты, сухофрукты... Она солила и мариновала огурцы, помидоры, только что появившийся в Соцгороде перец, капусту (в засолке которой была великой мастерицей), делала овощную икру, салаты, да мало ли что еще. Квартира Добрыниных пропахла чесноком и укропом, и запах этот был так же ненавистен Мартыну Мартыновичу, как и его создательница.

Ночами, когда сон не шел к нему, Мартын Мартынович часами лежал во тьме и думал, думал... Прожитая жизнь проходила перед внутренним взором, как кадры детского диафильма. Детство, Ростов... Потом юность. Встреча с Машей. Первая любовь. Наверное, даже не любовь, а юношеское влечение плоти. Но все это ушло. Остался тусклый быт, бедность да запах чеснока.

Впрочем, бедность – понятие относительное. Мартын Мартынович хоть и жил довольно убого, бедным вовсе не являлся. Кроме знаменитого ящика, содержимое которого демонстрировалось всем и каждому, у него имелись и другие монеты, которые он никому не показывал, – в первую очередь золото. В укромном тайничке, выдолбленном в кирпичной стене и искусно замаскированном настенными часами, у него хранилась деревянная резная шкатулка, почти доверху наполненная золотыми монетами. Что-то осталось от отца, в годы нэпа имевшего мясную торговлишку, что-то Мартын Мартынович приобрел самостоятельно на черном рынке, да и у приходивших к нему ребятишек нет-нет да и попадались царские пятерки и десятки. Кроме царских и советских золотых червонцев в шкатулке имелись французские двадцати- и сорокафранковые монеты, американские «игли», английские соверены и дукаты германских княжеств. Встречались турецкие куруши и персидские туманы. Но самым ценным в шкатулке было несколько золотых монет времен Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Они хранились отдельно от остальных монет, в специальных бархатных кармашках. Всего же золотых монет у Мартина Мартыновича имелось около сотни, но мысленно он не раз думал, что отдал бы все свои сокровища тому, кто избавил бы его от жены. Мысли об этом посещали его почти каждый день. Приходили они и сейчас, когда он стал обладателем странной монеты. Почему-то Мартыну Мартыновичу казалось – этот час приближался. Так оно и вышло.

Однажды вечером, недели через полторы после обретения нового сокровища, в дверь позвонили. Мария Степановна глянула в «глазок» и, увидев на пороге незнакомого парня, спросила:

– Чего надо?

– К Добрынину, – услышала она. – По монетам...

– К тебе мужчина какой-то... – сообщила она мужу, стоявшему у нее за спиной.

– Пускай заходит.

Дверь распахнулась, и, бесцеремонно оттолкнув хозяйку, в квартиру ворвались двое. Мартын Мартынович сразу же понял: эти гости явились не с добром.

– Вам чего? – стараясь сохранять самообладание, тихонько произнес он.

– А того! – рявкнул парень, который вошел первым. – Монеты давай!

– Как это: давай?

– А так! Мы, дед, грабить тебя пришли!

– Ох! – завопила Мария Степановна, но тут же получила увесистый удар по лицу и рухнула на пол.

– Орать не нужно, – сказал парень. – А будете – обоих кокнем. Так что ведите себя потише. Свяжи их, – обратился он к напарнику.

Тот извлек из-за пазухи моток бельевой веревки и сноровисто исполнил требуемое. Связанных супругов посадили на древний, лязгнувший всеми пружинами диван.

– Где монеты?! – прошипел первый парень.

Мартын Мартынович пожал плечами и тут же получил оплеуху.

– Говори, старый хрыч!

– В той комнате... ящик...

– Иди, посмотри, – приказал первый напарнику.

Скоро тот притащил знаменитый ящик. Парень открыл его и стал бесцеремонно вываливать содержимое на стол. Монеты рассыпались по столешнице, падали на пол, закатывались в углы, но грабители не обращали на это обстоятельство никакого внимания. Когда тускло поблескивающая куча заполнила всю поверхность стола, парень стал копаться в ней, беря то одну, то другую монету и поднося ее к глазам. Он отобрал несколько крупных серебряных талеров и сунул их в карман, потом взглянул на Мартына Мартыновича:

– А золото где?

– Какое золото?

– Обыкновенное... Золотое!

– Нет у меня никакого золота?

– Не ври, дед!

– Богом клянусь!

– Не нужно бога сюда приплетать, – заметил парень. – Выдай золотишко по-хорошему, а не то больно будет. Все равно найдем.

– Ищите.

– Хорошо, – спокойно сказал парень. – Тогда пеняйте на себя. Иди, поищи уют, – приказал он напарнику, а сам уселся на стул перед своими жертвами, достал нож и стал чистить ногти.

– Что вы себе позволяете?! – заверещала Мария Степановна, немного пришедшая в себя после сокрушительного удара в челюсть.

– Чего надо, то и позволяем, – невозмутимо сообщил парень. – И не верещи, старая кляча, а то прирежу.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?! – заорала Мария Степановна.

– А вот смею, – спокойно ответил парень и неожиданно ударил ее ножом в живот. Удар был не сильный, нож вошел в тело сантиметра на два, но Мария Степановна коротко всхлипнула и повалилась на бок.

– Ага, – удовлетворенно произнес парень, – одна готова. И с тобой, дед, то же будет, если не скажешь, где золото лежит.

– Вот чего нашел! – Второй грабитель потряс перед носом парня электрическими щипцами для завивки, с помощью которых Мария Степановна приводила в порядок свою жиденькую шевелюру.

– Нормально, – отозвался тот. – Сейчас, дед, мы эту штуковину включим, а потом воткнем тебе в ж... Тогда живо заговоришь! Давай, братан, ставь его «раком».

Напарник мигом сорвал с Мартына Мартыновича брюки и тряхнул ими в воздухе. Из карманов посыпалась всякая дрянь: квартирные ключи, мелочь, использованные трамвайные билеты... Вывалилось оттуда и недавнее приобретение Добрынина, странная дырявая монета со звездой и крестом. Напарник подобрал монету и сунул себе в карман. Потом он перевернул Мартына Мартыновича, бесцеремонно сбросил с дивана бесчувственную Марию Степановну и положил его на диван лицом вниз.

Главарь стащил со страдальца трусы и провел щипцами по дряблым телесам.

– Скажу... Все скажу... – прохрипел страдалец.

– Давай, колись!

– За часами... в стене...

Часы были тут же сброшены на пол. Под ними открылась небольшая ниша, в которой стояла деревянная шкатулка. Парень нетерпеливо схватил ее, открыл... Тускло блеснула россыпь монет.

– То, что надо, – прокомментировал он. – Валим отсюда.

Он завернул шкатулку в ту самую бархатную ткань, на которой Мартын Мартынович рассматривал свои приобретения.

– Ну будь здоров, дед, – сказал он в заключение Добрынину. – Копи эту дрянь. Мы, возможно, еще к тебе наведаемся.

И оба негодяя покинули разгромленную квартиру.

Некоторое время Мартын Мартынович неподвижно лежал на диване со спущенными трусами и связанными руками и ногами, потом, услышав, как хлопнула входная дверь, закричал, зашевелился и сполз на пол. Тут он увидел перед собой выкаченный глаз жены и позвал:

– Маруся?..

Мария Степановна не откликнулась.

– Да очнись ты! – в сердцах воскликнул Мартын Мартынович. – Ушли они...

Но супруга оставалась безмолвной.

– И черт с тобой, – гневно произнес Добрынин. – Сам как-нибудь освобожусь.

Он стал энергично работать руками, стараясь ослабить стягивающие их веревки. И минут через пятнадцать это удалось. Руки были свободны. Мартын Мартынович развязал путы на ногах, потом потряс жену за плечо.

– Вставай!

Голова Марии Степановны безвольно дернулась, как у тряпичной куклы, и стукнулась о пол.

– Чего это с тобой? – испуганно пробормотал Добрынин. – Маруся, ты как?

Супруга не отвечала, и тогда Мартын Мартынович, еще не веря в случившееся, взял ее за запястье и постарался нащупать пульс. Пульса не было!

Неужели?! Неужели долгожданный момент наступил?! Он не мог поверить своему счастью. Что же с ней? Зарезали? Добрынин наклонился над бездыханным телом. Рана на животе была совсем маленькой. Кровь уже не бежала, а пропитав ткань халата, запеклась на нем.

Добрынин доковылял до телефона и набрал «02».

– Ограбили, жену убили!.. – заорал он в трубку. – Нападение на квартиру, – заявил он в ответ на просьбу разъяснить, что с ним случилось. Потом назвал адрес.

До приезда милиции Мартын Мартынович сидел на диване и бессмысленно взирал на лежащий на полу труп жены. Душа его пела. «Ну слава богу...» – мысленно повторял он. Как отразится смерть Марии Степановны на его собственной жизни, он пока что не представлял, однако сладостные предчувствия обуревали его душу. Свободен! Наконец-то свободен!

Приехала милиция, а следом «Скорая помощь». Врач констатировал смерть жены Добрынина. Установить ее причины врач затруднялся.

– Скорее всего, сердечный приступ, – неуверенно произнес он. – Но что не в результате ранения, это точно. Вскрытие покажет.

Мартын Мартынович, запинаясь и путаясь, стал давать показания. О похищенном золоте он решил не сообщать, заявив, что украдена лишь часть коллекции.

Совершили налет на квартиру Добрынина два уголовника. Один – матерый вор по кличке Капитан, недавно отбывший очередной срок, а другой – совсем сопливый, еще ни разу не сидевший паренек, известный в определенных кругах как Баня. Ни тот, ни другой доселе знакомы между собой не были, мало того, друг о друге даже не слышали. Капитан освободился всего две недели назад и был на мели. Денег у него, можно сказать, не имелось, наметок на какое-нибудь дело тоже. Освободившись, он решил заехать к своему давнему другу Федулу, вместе с которым отбывал срок «на Воркуте». Федул, по блатной традиции, должен помочь. Однако, как читатель помнит, старого вора уже не было в живых. Узнав об этом, Капитан не особенно огорчился: чего в жизни не бывает! Однако его собственное положение оставляло желать лучшего. Пока что он решил обосноваться в Соцгороде, который показался ему местом тихим и сытным. На второй или третий день своего пребывания в нем он обчистил подвыпившего работягу. Кусочничать Капитан считал западло, но что оставалось делать! Сначала он решил оглядеться. По первым впечатлениям, блатная жизнь в Соцгороде пребывала в упадке. Добрые люди растолковали ему, что со смертью Федула и осуждением на длительные сроки нескольких рецидивистов воровать стало некому, а та мелочь, что продолжает гулять на свободе, на серьезные дела не годна.

В Соцгороде имелось одно место, где воровская шатия узнавала друг друга даже без слов. Таким местом был так называемый северный пляж, расположенный на правом берегу заводского пруда, возле водной станции. А «визитной карточкой» воров, отличавшей их от безликой массы добропорядочных «мужиков», являлись, конечно же, татуировки.

Лето только началось, и вода в пруду была еще холодной. По этой причине отваживались купаться только отчаянные мальчишки да редкие взрослые. Однако солнце жарило по-июльски, и загорающих на пляже хватало. Люди играли в волейбол, в шахматы или в карты (этих было значительно больше), пили пиво и водку. Капитан разделся и предстал перед публикой во всей своей красе. Он был татуирован, что называется, с ног до головы. На груди слева и справа имелись портреты Ленина и Сталина, а чуть ниже был выколот орел, несущий в когтях голую женщину. Крылья орла как бы осеняли вождей мирового пролетариата. На животе был изображен парусный корабль, при полном вооружении несущийся по пенному морю. На коленях имелись две звезды, напоминавшие розу ветров. Но самой грандиозной татуировкой являлась копия картины Васнецова «Три богатыря», занимавшая целиком довольно широкую спину Капитана. Кроме этого шедевра имелись и картинки поменьше, в основном на руках. Тут были представлены кинжалы, голые женщины, изображения карт и рюмок. Поясняла рисунки многозначительная надпись: «Вот что нас губит!». На кисти правой руки был изображен собор о пяти куполах, на левой – голова ощерившего пасть тигра. Мелкие татуировки в виде перстней украшали фаланги пальцев. Словом, перед отдыхающими предстал если не генерал, то, по крайней мере, старший офицер преступного мира. В довершение на нем имелись черные обтягивающие плавки, подчеркивающие мужские стати Капитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.